Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И.Л. Янышев

Сущность христианства с нравственной точки зрения

Опубликовано:
Христианское чтение. 1877. № 7-8. С. 143-199.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателей статьи «*о сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія*» суть тѣ самыя, которыя во время Великаго поста текущаго года читаны были мною въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія сначала въ обыкновенномъ помѣщеніи Отдѣла у Чернышева моста, въ домѣ бывшемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а потомъ въ Соляномъ Городкѣ.

Въ своихъ чтеніяхъ, которыхъ было четыре, я предположилъ дать по возможности краткій, болѣе или менѣе опредѣленный, отвѣтъ на слѣдующіе *два вопроса: что значитъ быть нравственнымъ и что значитъ быть христіаниномъ?*

Въ программѣ этихъ чтеній, въ свое время опубликованныхъ въ с.-петербургскихъ духовныхъ газетахъ, содержаніе каждаго чтенія указано было такъ: «въ отвѣтъ на *первый* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены первыя два чтенія, будутъ указаны: 1) признаки нравственности, доступные только внутреннему самонаблюденію и 2) содержаніе нравственности, являющееся и во внѣшней жизни; въ отвѣтъ на *второй* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены другія два чтенія, будутъ изложены: 1) черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и 2) ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣкомъ при дѣйствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ».

Такую программу, равно какъ и самую мысль о чтеніяхъ, внушили мнѣ съ одной стороны мои занятія по преподаванію Нрав-

ственнаго Богословія въ с.-петербургской Духовной Академіи, убѣдившія меня, какъ не легко составить сколько нибудь отчетливое понятіе о нравственности, особенно имѣя въ виду и отечественную богословскую и переводную — философскую литературу по этому предмету, съ другой—желаніе обратить вниманіе любителей духовнаго просвѣщенія въ дни Великаго поста на предметъ, который, какъ мнѣ казалось, особенно отвѣчаетъ значенію этихъ дней въ Церкви. Въ послѣднемъ чтеніи *объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣкомъ при дѣйствіи благодати* мнѣ хотѣлось напомнить ученіе Слова Божія и Церкви объ этомъ предметѣ, который въ послѣдніе годы возбудилъ и доселѣ еще возбуждаетъ толки не только въ сектантскихъ движеніяхъ между простымъ народомъ, но и, какъ извѣстно, въ нѣкоторой части образованнаго православнаго общества.

Если я рѣшился напечатать чтенія, то единственно въ слѣдствіе неоднократно выраженнаго на этотъ счетъ желанія многихъ изъ тѣхъ любителей духовнаго просвѣщенія, которые удостоивали мои чтенія своимъ вниманіемъ.

Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

18-го мая 1877 года.
С.-Петерб. Духовная Академія.

Чтеніе первое:

о признакахъ нравственности, доступныхъ только внутреннему самонаблюденію.

Мм. Гг.

Христіанство, своимъ явленіемъ въ мірѣ раздѣлившее его исторію на двѣ великія половины—дохристіанскую и христіанскую, можетъ быть разсматриваемо въ разныхъ отношеніяхъ: и какъ *религія*, т. е. возстановленіе утраченнаго нѣкогда въ лицѣ прародителей союза между Богомъ и человѣкомъ,—и какъ *церковь*, т. е. видимое общество возсоединенныхъ съ Богомъ, отличающееся отъ всѣхъ другихъ обществъ, среди которыхъ оно мало по малу заняло свое высокое мѣсто,— и какъ *источникъ новой культуры* въ той

или другой ея сферѣ, или *новыхъ взаимныхъ отношеній между людьми:* семейныхъ и общественныхъ,—и даже какъ *государство*, насколько христіанскія начала успѣли проникнуть собою строй его. Изъ всѣхъ этихъ сторонъ я предпочелъ избрать для настоящихъ бесѣдъ ту, которая, непосредственно касаясь души каждаго изъ христіанъ, составляетъ сущность христіанства и отъ которой получаютъ свою силу и значеніе всѣ прочія проявленія его въ мірѣ, т. е. я понимаю христіанство прежде всего какъ религію, или что тоже: возстановленное общеніе между Богомъ въ лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и между отдѣльнымъ вѣрующимъ.

Но и самая христіанская религія, какъ возстановленный союзъ между Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣкомъ, можетъ быть разсматриваема опять преимущественно съ одной изъ двухъ сторонъ: или со стороны Бога, пріемлющаго падшаго человѣка въ общеніе съ Собою, или со стороны человѣка, вступающаго въ это общеніе; т. е. мы можемъ отвѣчать или на такіе вопросы: что можно и должно знать о Тріединомъ Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ въ мірѣ, въ частности —о приготовленіи Имъ падшаго рода человѣческаго къ принятію Искупителя, какъ понимать соединеніе Божества и человѣчества въ лицѣ Христа Спасителя, Его искупительныя заслуги, Его учрежденія на землѣ и т. п., или на такіе вопросы: что такое человѣкъ, который вступаетъ въ общеніе съ Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя, что значитъ это общеніе, какъ и почему оно возникаетъ, въ чемъ проявляется и чѣмъ сопровождается. Совершенно раздѣлить обѣ эти стороны религіи, при ея разсматриваніи, конечно, нельзя; но можно разсматривать ее преимущественно съ первой стороны, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно, выражаясь богословскимъ языкомъ, на догматическую точку зрѣнія; или со второй, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно на нравственную.

Но и становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія для того, чтобы уяснить себѣ сущность христіанства, мы не то хочемъ ска-

зать, что христіанская религія, если ее разсматривать со стороны человѣка, есть тоже, что его нравственность,—понятіе нравственности, подъ содержаніе которой подходятъ между прочимъ всѣ возможные союзы человѣка, слѣдовательно и религіозный, очевидно, гораздо шире понятія о религіи,—а только то, что мы хотѣли-бы по мѣрѣ силъ уяснить себѣ нашъ союзъ съ Богомъ во Христѣ со стороны нашей, человѣческой, нравственной потребности. А для того, чтобы лучше уяснить сущность христіанства, какъ религіи, съ этой стороны, мы напередъ нуждаемся въ уясненіи себѣ понятія о томъ, что такое нравственность, что значитъ быть нравственнымъ вообще? Только отвѣтивши на этотъ вопросъ, мы можемъ сказать, что значитъ быть нравственно-религіознымъ въ христіанскомъ смыслѣ, или что такое быть христіаниномъ.

Въ настоящее и слѣдующее собранія постараюсь отвѣтить на первый вопросъ; въ остальныя два собранія—на второй. Отвѣчая на тотъ или другой вопросъ я не буду входить въ разборъ какихъ-либо теорій нравственности древнихъ или новыхъ философскихъ школъ и какихъ-либо воззрѣній той или другой западной богословской школы на Лице Христа Спасителя и на дѣло нашего спасенія во Христѣ. Не упуская однакожъ совсѣмъ изъ виду и этихъ теорій и воззрѣній, насколько они мнѣ знакомы, я постараюсь только, по мѣрѣ крайняго моего разумѣнія и руководясь нормами православнаго ученія, дать краткій, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ на поставленные вопросы. Пусть мой отвѣтъ и не удовлетворитъ христіанской любознательности общества, удостоившаго настоящее чтеніе своимъ вниманіемъ; я былъ бы очень радъ, если бы мои чтенія въ эти святые дни поста послужили кому-либо только поводомъ къ *размышленію* объ единомъ на потребу.

Что значитъ быть нравственнымъ? Что такое—*нравственность?* Это слово, равно какъ и производныя отъ него почти не встрѣчаются въ священномъ Писаніи; они не объясняются и въ символическихъ церковныхъ книгахъ; мнѣ не случалось встрѣ-

чать связнаго объясненія понятія о нравственности въ нашей и не духовной литературѣ. Сколько нибудь выяснить это понятіе естественнѣе всего, кажется, въ томъ порядкѣ, на который наводитъ непосредственный смыслъ самого слова: *нравственность*. Это прекрасное русское слово отчасти соединяетъ въ себѣ, отчасти восполняетъ собою тѣ черты, на которыя указываютъ слова, означающія нравственность въ другихъ европейскихъ языкахъ, каковы: греческое—ἦθος, латинское—moralitas, нѣмецкое—Sittlichkeit; первое, по толкованію филологовъ (хотя и не всѣхъ) означаетъ прежде всего *осѣдлость, постоянство*, затѣмъ *нравъ*, обычай, какъ нѣчто постоянное въ поведеніи человѣка; второе и третье указываютъ ближе всего на *движеніе*,—слѣдовательно и на силу движущую,—а затѣмъ уже на поведеніе и обычай; наше же слово нравственность своимъ сродствомъ съ глаголомъ *нравиться* указываетъ на *чувство*, которому что-то нравится, а своимъ сродствомъ съ словомъ *нравъ* или, что тоже, обычай—на постоянство, съ какимъ къ извѣстнымъ явленіямъ жизни человѣка такъ или иначе относится его чувство. Какъ скоро же есть въ насъ чувство, которому что-либо нравится или не нравится, то значитъ есть въ насъ и инстинктивное *влеченіе* къ тому, что нравится,—есть сила, ищущая себѣ пищи и удовлетворенія въ томъ, что называется нравственнымъ.

Какъ ни теменъ этотъ этимологическій намекъ на значеніе слова: *нравственность*,—онъ съ перваго раза заставляетъ предполагать, что нравственность не есть что-либо, что мы можемъ мыслить въ формѣ напр. извнѣ только предписаннаго намъ къ исполненію закона, къ которому мы въ глубинѣ души могли бы оставаться равнодушными. Уже законодатель Моисей, изложивъ данные Богомъ израильскому народу законы, говоритъ: *заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: кто сходилъ бы для насъ за море, и принесъ бы ее намъ,*

и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ слово сіе; оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ сердцѣ *твоемъ, чтобъ исполнять его.* (Второз. XXX, 11—14). По названію своему такъ сродная съ нравами, обычаями, нравственность, какъ мы можемъ уже предъугадывать, едвали есть что-либо мимолетное, непрестанно мѣняющееся, но подобно этимъ устойчивымъ нравамъ вѣроятно возрастаетъ постепенно внутри человѣка, какъ то дерево, о которомъ Спаситель говорилъ: *всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.* (Матѳ. VII 17—20). Она не должна быть чѣмъ-либо и совсѣмъ безотчетнымъ, чего бы мы не могли живо чувствовать и слѣдовательно ясно сознавать; напротивъ внутри насъ есть какое-то чувство, послужившее корнемъ для названія всего нравственнаго, невольно напоминающее то внутреннее око, о которомъ говорится, что если этотъ свѣтильникъ погаснетъ въ человѣкѣ, или если это око потеряетъ свою чистоту, или даже само превратится въ мракъ, сдѣлается тьмою, то какова же будетъ тьма въ человѣкѣ? (Матѳ. VI, 22—23). Короче: слово нравственность, для своего разъясненія, обращаетъ наше вниманіе на нашу собственную природу и въ ней прежде всего на наши чувствованія, въ основѣ которыхъ лежатъ всегда такія или другія, сознательныя или безсознательныя влеченія или стремленія. Чувствованія же наши, равно какъ и ощущенія, различаются между собою смотря, главнымъ образомъ, потому: чѣмъ, *какимъ предметомъ они воздуждаются,* и что, *какое содержаніе относительно этого предмета они вносятъ въ наше сознаніе.* Что же такое нравственное чувство, т. е. чѣмъ оно возбуждается и какое содержаніе относительно своего предмета вноситъ въ наше сознаніе?

Говоря о сознаніи и содержаніи сознанія мы уже отличаемъ сознаніе, какъ содержащее, какъ форму отъ того, что въ нее входитъ и въ ней содержится, подобно тому, какъ свѣтъ мы отличаемъ отъ тѣхъ предметовъ, которые имъ освѣщаются или ко-

торые онъ дѣлаетъ видимыми. Это содержаніе сознанія, эти предметы, освѣщаемые имъ, какъ всякій изъ насъ испытываетъ въ себѣ, безконечно разнообразны, непрестанно смѣняются одни другими, то появляются, то исчезаютъ въ сознаніи, хотя и никогда не уничтожаются, составляя то, что называется памятью; но самое сознаніе, самый свѣтъ, въ которомъ являются наши внутренныя состоянія, остается неизмѣннымъ и только бываетъ то шире, то уже, то свѣтлѣе, то темнѣе. Но, что для насъ особенно важно, сознаніе или этотъ духовный свѣтъ не возможны въ насъ не только безъ сознанія *чего-либо*, что возникаетъ въ немъ, какъ его содержаніе, но и вмѣстѣ безъ *самосознанія*, безъ того, чтобы, сознавая что-либо, мы въ тоже время не сознавали и того, что это *мы* сознаемъ, что наше *я есть дѣйствующее въ этомъ сознаніи*, что оно есть какъ бы неизмѣнный *центръ* въ этомъ свѣтѣ и *энергія* его движенія; такъ что для насъ сознаніе невозможно не только безъ чего либо сознаваемаго, безъ содержанія сознанія, но и безъ сознающаго *я*. Сознавая что-либо, мы всегда вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ и себя самихъ, какъ дѣятелей своего сознанія. А отъ этого выходитъ, что и всѣ чувствованія, какъ сознательныя наши состоянія, выражающія удовлетвореніе или неудовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей нашей природы, называются *нашими* чувствованіями,—тогда какъ далеко не всѣ они возбуждаются этимъ нашимъ *я* или нами самими. Когда мы сознаемъ и говоримъ: это тѣло твердо или мягко, эта пища вкусна или не вкусна, этотъ запахъ пріятенъ или отвратителенъ, колоритъ этой картины, звукъ этой музыки грубъ или нѣженъ, эта наружность привлекательна или безобразна, это ученое изслѣдованіе ясно, правдиво, безпристрастно, или спутанно, фальшиво,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы выражаемъ о разныхъ предметахъ *наши* ощущенія и чувствованія,—но эти ощущенія и чувствованія относятся не къ нашему *я*, а къ тѣмъ предметамъ, которыми они возбуждены; отъ того и всѣ эти свойства тѣлъ, вкусовъ, запаховъ, цвѣтовъ, изящества, истинности, хотя они выражаютъ наши состоя-

нія, мы приписываемъ не себѣ самимъ, но тѣмъ предметамъ, которые повліяли на насъ. Таковы и суть всѣ ощущенія тѣлесно органическія и чувствованія эстетическія и умственныя. Всѣ они относятся къ тому, что существуетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ мыслиться, какъ существующее внѣ нашего *я*,—служатъ для его дѣятельности и состоянія, какъ говорятъ, объектомъ; всѣ они, составляя наши пріятныя или непріятныя состоянія, лишенія и страданія или наслажденія, даютъ безконечно-разнообразный и богатый матеріалъ для представленій и понятій о свойствахъ предметовъ и явленій міра, даже о тѣхъ или другихъ независящихъ отъ нашего *я* свойствахъ нашей собственной души, которыя въ этомъ случаѣ наблюдаются нашимъ *я*, какъ его объектъ, лежащій внѣ центра сознанія, — но не о самомъ этомъ *я*, не о самомъ центрѣ нашего сознанія, который самъ для себя никогда не можетъ сдѣлаться объектомъ, т. е. не можетъ раздвоиться.

Не тѣмъ возбуждается и не о томъ даетъ знать наше нравственное чувство. Потребности моей природы живутъ во мнѣ и я не могу отдѣлить ихъ отъ своего *я*,—но чтобы удовлетворить имъ, я вынужденъ *самъ* такъ или иначе дѣйствовать, совершать движенія, смотрѣть, слушать, мыслить; чтобы слушать напр. чтеніе, или узнать содержаніе книги, нужно придти на чтеніе, или достать книгу, нужно вниманіе, соображеніе и т. д. Для эстетическаго наслажденія, особенно же для художественнаго творчества требуется не только извѣстная степень эстетическаго развитія, но и такое или другое *самодѣятельное* отношеніе къ изящнымъ предметамъ, *вниманіе* къ ихъ семействамъ, *усиліе* въ идеальномъ воспроизведеніи ихъ и т. под. Тоже должно сказать и объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей нашей природы. Для удовлетворенія всѣхъ ихъ нуженъ исходящій отъ меня самаго такой или другой процессъ внутренней или внѣшней дѣятельности, — и вотъ *эта-то дѣятельность, поскольку она сознается зависящею отъ меня самого*, и составляетъ тотъ предметъ, которымъ возбуждается мое *чувство*, называемое *нравственнымъ*.

Нравственное влеченіе и чувство не проявляется помимо стремленія къ удовлетворенію моихъ органическихъ, умственныхъ, эстетическихъ, общежительныхъ потребностей,— но тѣмъ не менѣе въ моемъ сознаніи отнюдь не смѣшивается съ ними. Сознательно удовлетворяя или не удовлетворяя всѣмъ прочимъ своимъ потребностямъ, *я въ тоже время* самымъ процессомъ дѣйствій, *поскольку онъ отъ меня зависитъ*, удовлетворяю или не удовлетворяю и своему нравственному чувству, — и потому, испытывая тѣ или другія пріятныя или непріятныя состоянія, возбуждаемыя удовлетвореніемъ прочихъ потребностей моей природы, я въ тоже время испытываю такое или другое нравственное состояніе; при чемъ очень часто случается, что дѣйствія наши, направленныя къ удовлетворенію какой-либо органической или духовной потребности и доставляющія свойственныя этимъ потребностямъ удовольствія, въ тоже время оскорбляютъ нравственное чувство, и на оборотъ, идя въ разрѣзъ противъ той или другой потребности, вполнѣ удовлетворяютъ нравственной; отъ чего и происходитъ то, что мы въ страданіяхъ можемъ радоваться, или среди органическихъ или эстетическихъ наслажденій смертельно страдать въ глубинѣ души. Такъ мы видимъ предъ собою два міра, служащіе источникомъ нашихъ чувствованій,—одинъ міръ объективный въ обширномъ смыслѣ сего слова, къ которому вольно или невольно наше *я* ставитъ себя въ такія или другія отношенія и отъ котораго возникаютъ въ немъ такія или другія ощущенія и чувствованія; другой міръ субъективный, *міръ отъ меня исходящей дѣятельности*, моихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій, служащій источникомъ другаго рода чувствъ, называющихся *нравственными*.

Отличаясь отъ прочихъ предметныхъ чувствованій тѣмъ, что оно возбуждается не объективнымъ міромъ, а отъ насъ исходящею, нашею собственною дѣятельностію, нравственное чувство отличается отъ нихъ и по тому содержанію, которое оно вноситъ въ наше сознаніе. Тамъ мы испытываемъ лишенія и страданія, или удовольствія и наслажденія болѣе или менѣе тонкаго или грубаго,

духовнаго или матеріальнаго свойства, къ которымъ можетъ не примѣшиваться никакое чувство *относительно нашего собственнаго достоинства* при этихъ состояніяхъ. Здѣсь наоборотъ, какія-бы ни были наши состоянія, зависящія отъ свойствъ вліяющихъ на насъ предметовъ, мы невольно испытываемъ въ себѣ изъ глубины нашего духа возникающую въ сознаніи, *инстинктивную оцѣнку* нашихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій, которыя мы невольно или одобряемъ или порицаемъ въ себѣ, уважаемъ или презираемъ, которыя желаемъ укрѣпить или истребить въ себѣ; въ этихъ-то внутреннихъ состояніяхъ испытывается нами, помимо нашей воли настоящее наше, существенное достоинство или недостоинство, или другими словами: наше нравственное добро или зло; при чемъ и самый элементъ пріятнаго или непріятнаго, который одинъ только и служитъ признакомъ этой оцѣнки, сознается нами не какъ лишеніе чего-то, что не вполнѣ въ нашей власти, или наслажденіе чѣмъ-то, что привзошло отвнѣ въ наше сознаніе, а—или какъ глубокое внутреннее самодовольство, миръ съ самимъ собою, духовная радость, блаженство, истинное счастіе души; или же какъ нѣчто похожее на уколъ, пронзеніе какимъ-то внутреннимъ жаломъ, какъ угрызеніе, мученіе, истинное бѣдствіе души, котораго ничто внѣшнее усладить не можетъ. Говоря все это, я обращаюсь къ внутреннему самонаблюденію каждаго. Только тотъ, кто испыталъ самъ эти внутреннія состоянія, можетъ понимать, о какихъ явленіяхъ внутренняго міра идетъ здѣсь рѣчь, и только онъ въ доступномъ ему одному смыслѣ предполагаетъ эти состоянія въ другихъ людяхъ по поводу ихъ намѣреній и дѣйствій, которыя также съ необходимостію одобряетъ или порицаетъ, уважаетъ или презираетъ, словомъ считаетъ *нравственно-добрыми или нравственно-злыми*.

Вникая ближе въ это загадочное чувство, мы можемъ усмотрѣть, что его движенія, пріятныя и непріятныя, отражаясь въ нашемъ сознаніи, служатъ источникомъ основныхъ нравственныхъ понятій, степень развитія которыхъ свидѣтельствуетъ о степени нрав-

ственнаго развитія человѣка, и смыслъ которыхъ опять доступенъ только нашему внутреннему самонаблюденію. Я разумѣю понятіе о *нравственномъ законѣ* и соединенномъ съ этимъ понятіемъ *чувствѣ долга, о совѣсти* и *о свободѣ человѣка.*

Нравственное чувство, какъ чувство, возбуждаемое нашими собственными намѣреніями и дѣйствіями, даетъ о себѣ знать нашему сознанію, вмѣшивается въ ходъ нашихъ мыслей и желаній тогда, когда мы приступаемъ къ какому-либо отдѣльному дѣйствію, или совершаемъ, или уже совершили его и воспоминаемъ о немъ, иногда возникаетъ даже при слабомъ проблескѣ сознанія объ этихъ дѣйствіяхъ, напр. въ дремотѣ или во снѣ. Но всякій разъ оно является въ отношеніи къ *отдѣльнымъ* нашимъ намѣреніямъ или дѣйствіямъ, и своимъ одобряющимъ или порицающимъ движеніемъ *отмѣчаетъ* только эти намѣренія и дѣйствія, — отмѣчаетъ при томъ не въ формѣ какого-нибудь логическаго сужденія, — чувство не мыслитъ, — и не въ формѣ акта воли, — этотъ именно актъ, дѣйствіе, оно и подвергаетъ своей оцѣнкѣ, а какъ непосредственная и непроизвольная очевидность достоинства нашего дѣйствія, очевидность при томъ совершенно индивидуальная. Если это чувство тревожитъ, осуждаетъ, стращитъ отвѣтственностію, то только того, въ комъ оно возбуждено, не заботясь о томъ: испытываютъ ли его другіе при подобныхъ дѣйствіяхъ, и не измѣняется въ томъ случаѣ, если другіе не имѣютъ его. Каждому приходится, правда, говорить и съ другими о своихъ внутреннихъ нравственныхъ состояніяхъ, учить добру и учиться, и при этомъ болѣе или менѣе взаимно понимать другъ друга; но при этомъ взаимномъ обмѣнѣ мыслей у каждаго въ сердцѣ всегда оказывается нѣчто такое, что онъ не можетъ вполнѣ выразить другому и чего никто другой вполнѣ усвоить себѣ не можетъ, — есть предѣлъ, за которымъ въ концѣ обмѣна мыслей, каждый, подобно св. апостолу Павлу (2 Кор. I, 12; Римл. IX, 1), вынужденъ сослаться на свидѣтельство своего чувства, какъ на послѣднее доказательство достовѣрности своихъ словъ, — или подобно тому, какъ при нашемъ публичномъ

судопроизводствѣ, въ концѣ всѣхъ судебныхъ разбирательствъ и преній, судъ предоставляетъ не сторонамъ, не логическимъ доказательствамъ и преніямъ сторонъ, а непосредственному нравственному чувству присяжныхъ сказать: да или нѣтъ, виновенъ или невиновенъ.

Внѣшнія вліянія на дѣтей и взрослыхъ путемъ примѣра и обученія обыкновенно предупреждаютъ первые зачатки сознательнаго нравственнаго саморазвитія и не позволяютъ прослѣдить переходъ сознанія отъ первыхъ возбужденій нравственнаго чувства до болѣе развитаго представленія о различіи между добромъ и зломъ, до понятій о нихъ, и далѣе до установленія нравственной нормы, общей и взаимно понятной для многихъ людей, которая потомъ, видоизмѣняясь, переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Но мы не можемъ не сознавать, что условіемъ этого перехода во всякомъ случаѣ служитъ опять тоже субъективно-индивидуальное обнаруженіе нравственнаго чувства. Ибо въ дѣлѣ нравственности нѣтъ и не можетъ быть такихъ примѣровъ, внушеній, законовъ и преданій, которые могли бы вліять на насъ *только какъ нѣчто внѣшнее*, не имѣя за себя свидѣтельства нашего чувства и собственнаго нашего внутренняго опыта; только эти собственные опыты и чувства составляютъ основу нашего сочувствія слову и примѣру другихъ и дозволяютъ имъ вліять на насъ. А эти собственные опыты суть всегда отрывочныя, только по поводу отдѣльныхъ нашихъ дѣйствій возникающія возбужденія нашего нравственнаго чувства. Только тогда, когда такихъ отдѣльныхъ опытовъ накопляются въ сознаніи *цѣлые ряды*, возможно обобщеніе ихъ по закону душевной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе общаго, первоначально темнаго, инстинктивнаго правила, по которому одного рода дѣйствія относятся къ одобряемымъ, нравящимся, т. е. *добрымъ* или *нравственнымъ*, другаго рода дѣйствія—къ порицаемымъ, *злымъ*, *безнравственнымъ*. Чрезъ общеніе же съ другими *посредствомъ слова*—этого условія всякаго отчетливаго *мышленія*, и чрезъ сравненіе самонаблюденія съ наблюденіями другихъ, общее неясное правило

становится въ сознаніи болѣе яснымъ и твердымъ, болѣе удобосообщаемымъ и удобопріемлемымъ для другихъ; а съ этимъ вмѣстѣ открывается путь къ пониманію, признанію и установленію *общей* для многихъ, удобоизлагаемой въ *словѣ* и *письменѣ*, и въ этомъ смыслѣ *объективной нравственной нормы, нравственнаго масштаба* или, что тоже, *нравственнаго закона*. Но всѣ эти дальнѣйшіе переходы нравственнаго сознанія и ихъ результаты, очевидно, не суть дѣло одного нравственнаго чувства, какъ чувства; они возможны не иначе, какъ *чрезъ процессы мышленія подъ вліяніемъ нравственнаго чувства* и потому *къ первоначальному обнаруженію нравственнаго чувства относиться не могутъ*. Всякій внѣшній или объективный законъ только потому получаетъ общее признаніе и силу, что ему предшествовали не только субъективно-индивидуальныя свидѣтельства нравственнаго чувства, но и работа мысли надъ содержаніемъ, доставляемымъ этимъ чувствомъ. Поэтому *нравственность можетъ до извѣстной степени не нуждаться въ законѣ*, нравственное чувство можетъ до извѣстной степени замѣнять законъ; но *законъ никогда не можетъ обойтись безъ нравственнаго чувства*; ибо только оно даетъ предписаніямъ или требованіямъ его жизненную силу и внутренній авторитетъ истины; гдѣ нѣтъ свидѣтельства нравственнаго чувства въ пользу закона, тамъ не онъ господствуетъ, а его буква и внѣшняя физическая сила, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственной жизни. А это свидѣтельство или движеніе чувства всегда есть нѣчто, что оно только имѣетъ, что ему одному доступно, чего ничто не можетъ замѣнить и за что оно одно ручается. Итакъ нравственный законъ, или правило внутренняго и внѣшняго поведенія человѣка, есть результатъ работы мысли надъ содержаніемъ многократнаго проявленія нравственнаго чувства и на столько имѣетъ силы надъ волею человѣка, на сколько свидѣтельства чувства подкрѣпляютъ его требованія; это суть тѣже одобренія или порицанія, мученія или радости отъ нравственнаго чувства, возникавшія при отдѣльныхъ дѣйствіяхъ человѣка,—только сгруппированныя и отвлеченныя въ общія поня-

тія объ этихъ дѣйствіяхъ и выраженныя не въ формѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, а подъ вліяніемъ способности человѣка заботиться о будущемъ и о своихъ будущихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ,—въ формѣ повелительнаго наклоненія, какъ требованія, относящіяся къ будущему, какъ правила жизни вообще.

Но если отдѣльныя добрыя или злыя намѣренія и дѣйствія человѣка, отмѣченныя соотвѣтственными имъ движеніями нравственнаго чувства, наша логическая сила группируетъ и, въ виду будущаго поведенія человѣка, подводитъ подъ общія правила поведенія,—то и слѣды движеній нашего нравственнаго чувства не остаются потерянными для этихъ общихъ понятій добра и зла, а обобщаясь между собою составляютъ одно общее чувство по отношенію къ закону вообще, называемое *чувствомъ долга*, или *чувствомъ законности*, т. е. чувствомъ уваженія къ требованіямъ закона вообще, къ какимъ-бы отдѣльнымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ они ни относились. Слово—*законъ*, или *требованіе закона*, въ сознаніи нравственно-развитаго человѣка отзывается широкимъ и глубокимъ чувствомъ не только уваженія, но и долга исполнять это требованіе, не смотря ни на какіе противостоящіе мотивы, вытекающіе не изъ нравственной потребности. Это священное чувство есть ничто иное, какъ общій единовременный и осмысленный резонансъ всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ движеній нравственнаго чувства, которыми сопровождались отдѣльныя дѣйствія человѣка, составившія содержаніе нравственнаго закона.

Поелику же нравственный законъ, какъ выраженіе правилъ всего поведенія человѣка, вырабатывается подъ вліяніемъ нравственнаго чувства не вдругъ, а цѣлыми столѣтіями, и не однимъ человѣкомъ, а цѣлыми поколѣніями людей, то понятно, почему онъ даже и тамъ, гдѣ не было истиннаго—богооткровеннаго закона, входя въ сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка, представляется ему съ признаками *высшаго* происхожденія, является *идеаломъ*, къ осуществленію котораго нужно стремиться, масштабомъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. А это значитъ, что присутствіе нравственнаго закона въ

сознаніи человѣка вынуждаетъ его сознавать себя съ двухъ сторонъ,—со стороны дѣйствительнаго своего нравственнаго достоинства, со стороны своихъ дѣйствительныхъ намѣреній и дѣйствій,— вынуждаетъ его видѣть себя такимъ, какимъ онъ есть,—и со стороны того достоинства, которое онъ долженъ имѣть по независящему отъ него требованію нравственнаго закона, видѣть себя такимъ, какимъ онъ долженъ быть; первый образъ человѣка есть эмпирическій, взятый съ дѣйствительности, второй — идеальный, хотя живущій въ сознаніи эмпирическаго человѣка, но высшій его дѣйствительнаго достоинства.

Какъ-бы мало или велико ни было разстояніе между этими двумя образами одного и того же сколько-нибудь нравственно развитаго лица, все равно: они всегда живутъ въ немъ. До какой степени наше *я* стремится къ осуществленію въ дѣйствительности своего идеала, это зависитъ отъ него самого; но оно въ силу нравственнаго чувства и влеченія не можетъ не стремиться къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ этотъ двойникъ свой, это раздвоеніе свое. Всѣ дѣйствительно и стремятся къ этому уничтоженію, хотя совершенно противоположными путями: одни тѣмъ, что неодобряемыя качества свои усиливаются преобразовать по требованію идеала, другіе тѣмъ, что наоборотъ высшія нравственныя требованія своей природы усиливаются заглушить въ удовлетвореніи противо-нравственныхъ влеченій, помрачить и исказить въ себѣ благородныя черты своего идеала до совершенной неузнаваемости ихъ. Сознаніе возникающихъ при этой внутренней борьбѣ человѣка съ самимъ собою движеній нравственнаго характера, т. е. *сознаніе съ одной стороны отдѣльныхъ движеній нравственнаго чувства, какъ пріятныхъ и успокоивающихъ, такъ и мучительныхъ и тревожныхъ, съ другой: сознаніе нравственнаго закона и соединеннаго съ этимъ сознаніемъ чувства долга* и есть *совѣсть:* συνείδησις, conscientia, Gewissen, conscience, сознаніе (*совѣдѣніе, совѣсть*).

Итакъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: что значитъ быть нравственнымъ? я прежде всего призналъ цѣлесообразнымъ обратить

вниманіе не на содержаніе нравственности, а на ея психологическіе признаки, доступные только внутреннему самонаблюденію каждаго: кореннымъ внутреннимъ признакомъ нравственности служитъ существованіе въ насъ нравственнаго чувства, не умственнаго или чувства истины, не эстетическаго или чувства красоты, не тѣхъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій, которыя возбуждаются удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ разнородныхъ нашихъ потребностей, а того чувства, которое при каждомъ нашемъ отдѣльномъ намѣреніи и дѣйствіи, къ чему-бы оно ни относилось, указываетъ на наше внутреннее достоинство или недостоинство, даетъ намъ понять наше благородство или низость, возбуждаетъ въ насъ самоуваженіе или самопрезрѣніе и даже самоотвращеніе; а гдѣ вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ развито и мышленіе,—тамъ, какъ дальнѣйшій признакъ нравственности, является сознаніе въ себѣ нравственнаго закона, правилъ поведенія, указывающихъ, что въ этомъ поведеніи есть добро и что—зло, и соединенныхъ съ чувствомъ долга—осуществлять первое и искоренять второе. Когда же даны въ сознаніи вмѣстѣ, какъ это и бываетъ обыкновенно, не только наши такія или другія намѣренія или дѣйствія, но и представленіе должнаго по нравственному закону и движенія нашего нравственнаго чувства, одобряющія или порицающія намѣренія или дѣйствія,—тогда такое сознаніе и называется совѣстію. Все это я назвалъ признаками нравственности потому, что, говоря о присутствіи человѣку нравственнаго чувства, закона, чувства долга, совѣсти,—я не указываю на то, что же именно, какія именно намѣренія и дѣйствія требуются или и какія отвергаются ими? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ указать содержаніе нравственности. Въ настоящій же разъ я желаю объяснить только то, что каково бы ни было содержаніе нравственнаго, — свидѣтелями и судьями его являются нашему самонаблюденію наше нравственное чувство, сознаніе нашихъ нравственныхъ правилъ или закона, наше чувство долга, наша совѣсть. Только тамъ, гдѣ развиты и сознаются эти внутренніе признаки добра и зла, существуютъ и дѣйствительно

нравственныя намѣренія и дѣйствія, которыя, повторяясь при каждомъ случаѣ къ тому, образуютъ въ насъ тѣ внутреннія, болѣе или менѣе прочныя, разнообразныя настроенія, или лучше: *качества*, которыя, если они согласны съ нравственнымъ закономъ, называются *добродѣтелями*, если противны ему—*пороками*, и изъ которыхъ, смотря по своеобразному сочетанію этихъ добродѣтелей или пороковъ между собою въ каждой личности, слагается ея такой или другой *нравственный характеръ*.

Если бы нашелся человѣкъ, который бы сказалъ и сказалъ правду, что онъ не знаетъ въ себѣ никакого нравственнаго чувства, никакихъ правилъ, преступленіе которыхъ, хотя бы и никому невѣдомое, казнило бы его въ глубинѣ души,—никакой совѣсти,—то мы должны были бы сказать, что вся дальнѣйшая наша рѣчь о нравственности не будетъ имѣть для него никакого значенія. Если же наше сознаніе напротивъ говоритъ намъ, что каковы бы ни были требованія нравственнаго закона, чтобы ни одобряло и ни порицало въ насъ нравственное чувство, какъ бы ни направлена была наша совѣсть,—но всѣ эти явленія нравственной жизни: чувство, законъ и совѣсть существуютъ, живы въ насъ, то мы не можемъ не сознавать въ себѣ еще одного послѣдняго и важнѣйшаго признака и вмѣстѣ главнаго дѣятеля нравственности, опять доступнаго только внутреннему нашему наблюденію. Я разумѣю—*свободу*, *нравственную свободу*, которая, именно какъ нравственная, одна только и заслуживаетъ этого великаго имени.

Мм. Гг. Только христіанство даетъ намъ возможность испытывать въ сердцѣ, что такое нравственная свобода. Ничто внѣшнее не объяснитъ намъ ее и не докажетъ. Внѣшніе плоды христіанскаго, нравственнаго освобожденія такъ разрослись, по крайней мѣрѣ, въ европейскомъ мірѣ, что многіе изъ наслаждающихся только этими внѣшними плодами, утративъ способность цѣнить ихъ корень, къ изумленію вѣрующихъ, подрываются подъ него, усиливаются на разные лады вытравить изъ человѣка сознаніе свободы и низвести его на степень или неразумныхъ животныхъ, или оду-

шевленныхъ машинъ, съ механическою необходимостію заводимыхъ то вліяніемъ какихъ-то будто-бы непреложныхъ историческихъ законовъ, то дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и психическихъ процессовъ, то безсознательною, наслѣдственною преемственностію непреодолимыхъ предрасположеній и т. д. Сознавать свободу можетъ только тотъ, кто ею обладаетъ; и если мы позволяемъ себѣ говорить о ней, то только благодаря Тому, Чье слово, какъ истина, нравственно освобождающая пріемлющихъ и творящихъ ее, хранится неповрежденнымъ въ святой Церкви.

Говоря о нравственной свободѣ, прежде всего скажемъ, чего мы не подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ, затѣмъ—что разумѣемъ подъ нимъ и наконецъ коснемся возраженій противъ существованія свободы.

Часто говорятъ о свободѣ, разумѣя подъ нею не что-либо дѣйствительно существующее, а только отвлеченное, и притомъ чисто отрицательное понятіе, т. е. разумѣя *отсутствіе внѣшняго, со стороны другихъ людей, препятствія къ какимъ-либо внѣшнимъ же дѣйствіямъ*. Въ такомъ смыслѣ говорятъ о ней, когда говорятъ о свободѣ гражданской, т. е. объ отсутствіи препятствій со стороны другихъ людей такъ или иначе располагать своимъ имуществомъ, заключать договоры и т. п.; о свободѣ печати, т. е. объ отсутствіи внѣшнихъ же препятствій обнародывать такія или другія мысли; о свободѣ политической, т. е. объ отсутствіи препятствій къ такому или другому участію въ государственныхъ и международныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; о свободѣ вѣроисповѣданій, т. е. объ отсутствіи опять внѣшнихъ же принудительныхъ препятствій такъ или иначе проявлять во внѣ свои вѣрованія. Все это говорится о свободѣ почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о *свободномъ* воздухѣ, коль скоро онъ не запертъ со всѣхъ сторонъ, о *свободныхъ* птицахъ или животныхъ, коль скоро они не въ клѣткѣ или не на цѣпи и т. п. Не о такой, конечно, свободѣ рѣчь, какъ объ одномъ изъ внутреннихъ признаковъ и вмѣстѣ какъ о главномъ дѣятелѣ нравственности.

Говорятъ также о свободѣ въ иномъ болѣе положительномъ смыслѣ, по отношенію къ живымъ существамъ и даже къ человѣку,— именно какъ о *послѣдней причинѣ ихъ дѣйствій*, не характеризуя однакоже далѣе ничѣмъ этой причины. Такое понятіе о свободѣ ближе къ существу дѣла, — но все же оно очень двусмысленно. Одна причина не походитъ на другую. Извѣстный цвѣтокъ, при вліяніи на него лучей солнца, какъ будто самъ раскрывается или обращается къ солнцу; домашнее животное, при вліяніи на него напр. запаха пищи, угрозы или ласки хозяина и т. п.,—само бѣжитъ въ ту или другую сторону; въ обоихъ случаяхъ причина движеній или дѣйствій лежитъ какъ въ солнцѣ, запахѣ, звукѣ, такъ и въ организаціи растенія или животныхъ. Если бы животное могло сознавать себя, то оно, безъ сомнѣнія, сознавало бы себя причиною своихъ дѣйствій, но это означало бы отнюдь не то, что оно есть *дѣйствительная причина* своихъ движеній и дѣйствій, а только то, что внѣшнія вліянія на него, благодаря его внутренней организаціи, заставляютъ его двигаться не непосредственно, чрезъ внѣшній толчекъ или соприкосновеніе, а чрезъ посредство нервной системы и присущей ему силы ощущеній и врожденныхъ влеченій. Изъ этихъ внутреннихъ влеченій и ощущеній и въ неразумныхъ животныхъ можетъ сложиться цѣлый строй такъ называемыхъ нравовъ животныхъ, который можетъ быть названъ даже волею ихъ и можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ воспитанія и пр.,—но все же это будетъ не та свобода, о которой у насъ рѣчь. Если все это и можно назвать свободою, то только свободою психологическою или естественною, имѣющею тотъ смыслъ, что существо, сознающее свои влеченія и дѣйствія, вынуждается къ нимъ не матеріальною силою непосредственнаго толчка и не слѣпою физическою силою движенія, а чрезъ посредство ощущеній и соотвѣтствующихъ имъ представленій, движущихъ однако это существо съ такою же роковою необходимостію, съ какою и вода течетъ по наклонной поверхности или круглое тѣло движется отъ даннаго ему толчка. Такъ обыкновенно понимаютъ свободу детерминисты, т. е. тѣ, ко-

торые отвергаютъ ее въ человѣкѣ и потому справедливо приписываютъ существованіе ея въ человѣкѣ его самообольщенію. Но не о такой свободѣ свидѣтельствуетъ человѣку его собственное нравственное чувство.

Коренясь въ глубинѣ нашего духа, составляя послѣднее основаніе свидѣтельства добра и зла въ насъ, нравственное чувство въ тоже время составляетъ, какъ было говорено уже, явленіе, которое, возникая по поводу нашихъ намѣреній и дѣйствій, само не поддается ихъ вліянію; незванною часто помѣхою оно вторгается въ естественный ходъ этихъ намѣреній и дѣйствій какъ бы изъ другой, высшей сферы; и этимъ своимъ характеромъ невольности и независимости отъ насъ заставляетъ каждый актъ рѣшимости на доброе или злое вмѣнять именно нашей, только отъ насъ и ни отъ кого и ни отъ чего другаго не зависимой иниціативѣ; и какъ-бы мы ни извиняли эту иниціативу вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, такихъ или другихъ законовъ внутренней психической и органической жизни, его голосъ: отъ тебя и только отъ тебя зависитъ твое нравственное достоинство,—не поддается никакой софистикѣ разсудка. *Безусловная невольность нравственнаго чувства* и *безусловная свобода нашей рѣшимости*—суть *два соотносительныя явленія и вмѣстѣ понятія*, изъ которыхъ одно не можетъ ни сознаваться, ни мыслиться безъ другаго. Такова сама природа нашего сознанія и мысли.

Съ той минуты, когда мы съ насиліемъ для своего самосознанія признали бы себя, свое самосознаніе и самоопредѣленіе — только пассивнымъ орудіемъ, или ареною иныхъ, независимыхъ отъ насъ силъ или психическихъ и органическихъ процессовъ, съ той минуты мы потеряли бы въ своихъ же собственныхъ глазахъ всякое достоинство, и порицанія и одобренія нравственнаго чувства сдѣлались бы въ насъ невозможными явленіями въ отношеніи какъ къ нашимъ собственнымъ качествамъ и дѣйствіямъ, такъ и въ отношеніи къ качествамъ и дѣйствіямъ другихъ людей. И наоборотъ, самостоятельность и величіе энергіи нашего *я*, въ какихъ-бы нравст-

венныхъ качествахъ или дѣйствіяхъ она ни выражалась, сама по себѣ, какъ проявленіе независимой энергіи нашего духа, всегда, даже въ злодѣѣ, внушаетъ къ себѣ нѣкоторое невольное уваженіе. Такое свидѣтельство нравственнаго чувства подтверждается и другими фактами самонаблюденія. Какъ-бы ни пріятна была для насъ какая-нибудь внутренняя или внѣшняя дѣятельность, какъ-бы ни сильны были мотивы и какъ-бы они ни увлекали насъ къ этой дѣятельности, все же она не возможна и не сознается нами безъ нашего соизволенія на эти мотивы и безъ нѣкотораго, хотя бы самаго легкаго усилія или *инициативы* (труда) съ нашей стороны, которыя мы всякій разъ и сознаемъ и чувствуемъ, какъ при внутренней напр. разсудочной работѣ, такъ и во всякой практической дѣятельности; гдѣ же такого самодѣятельнаго усилія или инициативы и соизволенія съ нашей стороны вовсе не сознается, тамъ не сознается также ни нашей собственной внутренней свободы, ни свободы нашихъ дѣйствій; тамъ нѣтъ мѣста и свидѣтельству совѣсти, если только отсутствіе энергіи въ ея голосѣ не есть опять свободно созданное дѣло. На основаніи такихъ фактовъ самонаблюденія нравственный человѣкъ вынужденъ сознавать себя *единственною дѣйствительною причиною своихъ дѣйствій какъ добрыхъ*, т. е. согласныхъ съ нравственнымъ закономъ и одобряемыхъ совѣстію, *такъ и злыхъ*, т. е. противныхъ нравственному закону и порицаемыхъ совѣстію; другими словами, вынужденъ сознавать, что онъ имѣетъ не только психологическую, мнимую, въ нравственномъ отношеніи безразличную, но и дѣйствительную, т. е. нравственную свободу, свободу въ отношеніи къ добру или злу [1]).

---

[1]) Предикатъ: *нравственный* въ примѣненіи къ свободѣ мы употребляемъ здѣсь въ широкомъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ добру или злу вообще, не разграничивая, въ частности, понятій о нравственной свободѣ *формальной*, т. е. еще не осуществившейся ни въ добрѣ ни въ злѣ; объ *идеально-доброй* или *злой* т. е. достигшей степени нравственно-добраго или злаго характера, неспособнаго болѣе ко злу или къ добру; о *реально-доброй* или *реально-злой*, въ которой преобладаетъ или доброе или злое настроеніе, безъ утраты возможности подъ условіемъ извѣстныхъ вліяній обратиться въ противоположное состояніе.

Нравственная свобода есть *ни отъ кого и ни отъ чего независящая сила или энергія самоопредѣленія въ отношеніи именно къ добру или злу*; а это есть совсѣмъ не тоже, что какая-то пассивная воля или совокупность чьихъ-то хотѣній и наклонностей, имѣющихъ своимъ центромъ наше *я*, только какъ форму сознанія. Смѣшеніе той и другой, психологической и нравственной свободы объясняется во первыхъ тѣмъ, что тотъ моментъ въ процессѣ самоопредѣленія къ добру или злу, когда этотъ процессъ приближается къ концу, когда накопившимся въ душѣ желаніямъ остается дать только послѣдній толчекъ, передать волѣ энергію дѣйствованія, что этотъ моментъ трудно уловимъ для самонаблюденія; во вторыхъ тѣмъ, что, говоря о свободѣ, забываютъ, а, можетъ быть, по нравственному состоянію своему и не знаютъ и о неразрывно соединенномъ съ ея сознаніемъ невольномъ движеніи нравственнаго чувства, и относятъ ее къ такимъ хотѣніямъ и дѣйствованіямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ нравственностію; наконецъ особенно тѣмъ, что свобода или энергія самоопредѣленія въ чистомъ ея видѣ, какъ не отожествленная еще болѣе или менѣе съ добрыми или злыми наклонностями, въ возрастномъ состояніи человѣка не существуетъ. Свободныя намѣренія и дѣйствія, какъбы ни были они малосознательны и слабы, напр. въ дѣтскомъ возрастѣ, однажды состоявшіяся въ насъ, не остаются безъ послѣдствій для самой свободы. Каждымъ актомъ самоопредѣленія она чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣйствительно опредѣляетъ, слѣдовательно ограничиваетъ себя, даетъ себѣ нравственное содержаніе и направленіе, которое наконецъ и обнаруживается въ свободно созданныхъ, но потомъ уже едва одолимыхъ ею привычкахъ. Всякая личность, такимъ образомъ, своими дѣйствіями неизбѣжно уничтожаетъ свое нравственное безразличіе, свою неопредѣленность, и становится болѣе и болѣе нравственно-ограниченною, т. е. нравственно-*опредѣленною*. А эта нравственная опредѣленность необходимо вліяетъ на каждый актъ дальнѣйшаго самоопредѣленія личности, на каждую ея нравственную рѣшимость, хотя и не опредѣляетъ ея,

какъ инициатива, какъ первый толчекъ ея; она является *однимъ* изъ факторовъ при дальнѣйшихъ актахъ рѣшимости, но *не единственнымъ*; ея вліяніе есть относительное, но не абсолютное, которое бы само по себѣ производило рѣшимость; она сдѣлалась господствующею стихіею въ психическомъ организмѣ *я*, личности, но не самою личностію; ибо личность, *я*, отличаетъ себя отъ господствующей въ ея организмѣ наклонности, можетъ сдѣлать ее объектомъ своимъ и усиливаться противодѣйствовать ей, преобразовать ее. Въ такомъ видѣ представляется намъ свобода въ земной дѣйствительности, т. е. какъ воплотившаяся уже въ добрыхъ или злыхъ наклонностяхъ, слѣдовательно какъ болѣе или менѣе связанная ими, но въ тоже время всегда способная бороться съ ними. Въ той мѣрѣ, правда, въ какой личность свободно развивается въ нравственномъ, или уклоняется въ безнравственное направленіе, уменьшается и ея сила самоопредѣленія въ противоположную сторону, и это уменьшеніе, съ окончаніемъ развитія личности въ томъ или другомъ направленіи, должно наконецъ достигнуть безповоротнаго направленія, какъ это и представляется ученіемъ церкви о состояніи какъ чистыхъ, такъ и злыхъ духовъ; но пока она остается на землѣ и обладаетъ хоть малѣйшею силою развитія въ земныхъ условіяхъ, дотолѣ и свобода не можетъ считаться совсѣмъ утраченною. И при полной неспособности, или непобѣдимой наклонности ко злу для личнаго существа, пока оно не развилось всецѣло и исключительно въ зломъ направленіи, въ каждомъ данномъ случаѣ остается еще возможнымъ *выборъ между согласіемъ на свои неотвратимыя злыя хотѣнія и дѣйствія, и борьбою, хотя и безплодною, противъ этихъ хотѣній, противъ своей собственной злой воли.* Таково, какъ учитъ Слово Божіе, и есть нравственное состояніе человѣчества внѣ вліянія на него христіанской благодати.

Здѣсь все пониманіе дѣла зависитъ отъ яснаго понятія *о лицѣ*, о *я* и его отношеніи не къ тѣлесному только, а прежде всего къ душевному организму, т. е. къ совокупности его знаній, хотѣній, наклонностей и къ сознанію ихъ. Совокупность нашихъ психиче-

скихъ образованій составляетъ периферію, но не центръ нашей внутренней жизни, составляетъ духовный организмъ нашего *я*, но не само *я*, организмъ нашей личности, но не сущность самой личности. Посему и то, что называется свободою, т. е. силою или энергіею самоопредѣленія, есть предикатъ не воли, какъ совокупности хотѣній, и не разсудка или ума, какъ совокупности знаній, и не сердца, какъ совокупности чувствованій, а только нашего *я*, центра нашей личности, для которой и хотѣнія и знанія и чувствованія суть только орудія ея нравственной жизни. *Энергіею, дѣйствующею* въ этихъ орудіяхъ, являются не тѣ или другія хотѣнія или чувствованія сами по себѣ, не тотъ или другой логическій процессъ мышленія, а наше *я*—такъ или иначе, т. е. согласно или несогласно съ нравственнымъ закономъ, воплощающее въ этихъ хотѣніяхъ, чувствованіяхъ и процессахъ энергію своего самоопредѣленія. *Степень* энергіи самоопредѣленія каждой отдѣльной личности въ томъ или другомъ направленіи, безспорно, зависитъ отъ развитія ея воли въ этомъ именно направленіи, отъ соотвѣтственнаго съ нимъ развитія ея разсудка, а равно и силы и глубины его чувствованій; но это не значитъ еще, чтобы отъ нихъ же зависѣла самая инициатива этой энергіи или силы самоопредѣленія, первоисточный, такъ сказать, пульсъ или толчекъ внутренней, а чрезъ него и внѣшней дѣятельности. Если нѣкоторые философы и богословы утверждаютъ, что „воля есть собственно *корень* человѣка“, или что „она есть *первооснова* всего человѣческаго существа“, то это справедливо относительно не воли, *а силы самоопредѣленія. Сила самоопредѣленія или свобода*, сознаваемая и потому существующая для насъ *не отдѣлимо отъ нравственнаго чувства*, и есть *сущность человѣческой личности или человѣческаго духа*, разсматриваемаго со стороны признаковъ, а не содержанія нравственности.

Говорятъ: но если свобода человѣка, или его духовная энергія, опредѣляя себя къ добру или злу въ виду нравственнаго закона, сама ни чѣмъ не опредѣляется,—то ея дѣйствія суть чистый произволъ, случайность. Одно изъ двухъ, говорятъ: или свободныя

дѣйствія имѣютъ достаточную причину,—и тогда они необходимы, и свободы не существуетъ; или они не имѣютъ такой причины,—и тогда они безпричинны, случайны, слѣдовательно, не логичны, не разумны. Да; если къ свободнымъ дѣйствіямъ примѣнять разумъ или законъ причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣняется къ внѣшнимъ, матеріальнымъ движеніямъ, которыя тогда только и понятны вполнѣ, когда доказана ихъ необходимость, которыя то-есть только *потому и понятны, что они необходимы*, то такого закона или разума мы не найдемъ въ нашихъ *свободныхъ* дѣйствіяхъ; сущность духа, которая ничего не имѣетъ общаго съ движеніемъ нервныхъ матеріальныхъ частицъ, не подчиняется мѣрѣ, вѣсу и анализу, какимъ подчиняются движенія, наблюдаемыя внѣшними чувствами и матеріальными орудіями; и если мы взвѣшиваемъ, измѣряемъ и анализируемъ матеріальныя вещи и отыскиваемъ непреложные законы въ исторіи духа человѣческаго, домогаемся заковать въ эти законы и самую свободу, то вовсе не потому, что намъ нравится эта машинность всего совершающагося и существующаго предъ нами, увидѣвъ которую во всемъ мірѣ, мы сами ужаснулись бы предъ нею, а потому, что мы, какъ сами свободные, составляющіе сами для себя загадочную первопричину всѣхъ своихъ нравственныхъ дѣйствій, всюду, въ каждой вещи и во всемъ мірѣ ищемъ и конечно не можемъ ни въ чемъ матеріальномъ найти такой же или родственной намъ, но высшей насъ Первопричины, которая дала бытіе всему видимому. Духъ созерцается только духовно. Отрицать разумную причинность *свободныхъ* дѣйствій на томъ основаніи, что изъ всякой достаточной причины въ предметахъ видимыхъ *съ необходимостію* вытекаютъ ея дѣйствія, значитъ отрицать свободу на основаніи свободы. Эта свобода, какъ сама ни отъ чего не зависящая въ отношеніи къ добру и злу, и есть *единственно достаточная причина* тѣхъ именно дѣйствій, за которыя человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ себя, и только себя, отвѣтственнымъ въ своей совѣсти. Никакой другой причины для такого рода дѣйствій мыслить не возможно, не отказываясь отъ всякой логики.

Указываютъ, далѣе, на статистику, на постоянство извѣстныхъ нравственныхъ явленій въ родѣ человѣческомъ, каковы: число убійствъ, воровства, разводовъ, даже писемъ и тому подобныхъ дѣйствій, которыя, если-бы были свободными, то, говорятъ, не подчинялись бы съ такою точностію математически-непреложнымъ, напередъ вычисляемымъ цифрамъ. Но та-же статистика сама постоянно замѣчаетъ, что при измѣненіи извѣстныхъ и *преимущественно соціальныхъ* условій, непремѣнно замѣчается измѣненіе и въ цифрахъ нравственныхъ явленій; а на эти соціальныя измѣненія кто же опять вліяетъ какъ не самъ человѣкъ, слѣдовательно отъ него же исходящая, свободная иниціатива?

Скажутъ: свобода въ такомъ случаѣ есть просто чудо? Да; она есть, если угодно, не только чудо, но чудо изъ чудесъ, которымъ и для котораго совершены всѣ физическія чудеса, начиная отъ сотворенія міра и до воскресенія Спасителя и ниспосланія Имъ Святаго Духа, — чудеса, имѣвшія цѣлію освобожденіе насъ отъ рабства злу и возстановленіе нашего нравственнаго достоинства и именно нашей, нами порабощенной злу, свободы.

Говорятъ наконецъ: если уже вы касаетесь понятія о Богѣ, какъ всемогущемъ Существѣ, не имѣющемъ никакихъ границъ для своей вседѣйственной силы, то согласитесь, что вы не можете допустить нравственную силу самоопредѣленія въ человѣкѣ, какъ ни отъ кого и ни отъ чего не зависящую? Вѣдь такая энергія самоопредѣленія составляетъ прямое ограниченіе вседѣйственности, всемогущества Божія!

Но такъ разсуждать значитъ не допускать ни *личнаго Творца* міра, ни *личнаго творенія*, словомъ не допускать понятія *о личности*. Мы уже видѣли, что *сущность человѣка, какъ лица, заключается въ силѣ его самоопредѣленія, не отдѣлимой въ его сознаніи отъ нравственнаго чувства:* онъ есть потолику лице или *я*, поколику сознаетъ себя не только отличнымъ отъ своихъ хотѣній, знаній и чувствованій, но и можетъ дѣлать ихъ объектомъ для себя, и потолику имѣетъ это сознаніе и власть, поколику объ этомъ

свидѣтельствуетъ ему не зависящее отъ него его нравственное чувство. Не будь въ немъ этого *я*, не только какъ центра сознанія, но и какъ энергіи, силы самоопредѣленія по отношенію ко всѣмъ, возникающимъ въ немъ душевнымъ образованіямъ, его душевный организмъ былъ бы не его организмомъ, а безличною ареною стихій внѣшняго міра, процессомъ чуждой для него жизни, въ которой конечно нѣтъ мѣста никакой свободѣ. Точно также и Богъ, какъ личное Существо, есть не только всемогущая *воля* или вседѣйственная *сила*, но и *личное я*, которое отличаетъ себя отъ своей силы, дѣлаетъ ее объектомъ для себя и владѣетъ ею, слѣдовательно полагаетъ ей и границы и мѣру, однимъ словомъ есть не физическая, а нравственная сила самоопредѣленія и только въ этомъ смыслѣ Лице, Духъ. Но нравственное чувство въ человѣкѣ, какъ независимое отъ него, вынуждаетъ его сознавать себя ни отъ чего независимымъ только въ своемъ самоопредѣленіи по отношенію *къ нравственному закону*, въ своемъ *нравственномъ развитіи*, но не въ своемъ *физическомъ бытіи и его условіяхъ*, среди которыхъ совершается его нравственное развитіе; человѣкъ очень хорошо сознаетъ, что не самъ онъ далъ себѣ бытіе, нравственное чувство и нравственный законъ, не самъ онъ далъ себѣ и всѣ свои потребности, равно какъ и міръ, среди которыхъ онъ призванъ къ нравственному совершенству; если въ чемъ онъ отъ себя самого вполнѣ зависитъ, то это только въ такомъ или другомъ отношеніи своемъ къ этимъ потребностямъ и къ этому міру подъ контролемъ нравственаго чувства. Короче: человѣческая личность сознаетъ себя независимою только въ актахъ своей свободы, въ нравственныхъ своихъ проявленіяхъ, но не въ своемъ бытіи и не въ условіяхъ, которыми не зависимо отъ него обставлено со всѣхъ сторонъ и изъ предѣловъ которыхъ не можетъ выступить проявленіе его свободы. Въ Божественной же Личности и бытіе и дѣйствованіе и всѣ законы этого дѣйствованія безусловно зависятъ отъ Нея самой, но не какъ отъ слѣпой, вседѣйствующей физической силы, а какъ отъ самосознающей и самоопредѣляющейся, слѣдовательно какъ отъ свобод-

ной и потому нравственной, духовной, личной. Если мы не въ состояніи ясно мыслить, какъ это *самоопредѣленіе* или *самоограниченіе* Божества обнаруживается по отношенію къ непостижимой *внутренней* жизни Божества, за то мы вынуждены мыслить самоограниченіе или самоопредѣленіе Бога *по отношенію къ міру*, который есть не безпредѣльное, а ограниченное бытіе и, какъ ограниченное, не имѣетъ само по себѣ ничего общаго съ безпредѣльнымъ. Если Богу было благоугодно создать міръ съ опредѣленными качествами, какъ относительно самостоятельное, отдѣльное отъ Него по своей ограниченности бытіе, то это значитъ, что Ему благоугодно было Своей вседѣйствующей силѣ *положить извѣстныя условія дѣятельности* и *дать извѣстный опредѣленный способъ дѣйствованія по отношенію къ этимъ условіямъ*. И если въ этомъ мірѣ Ему благоугодно было создать живыя, личныя существа съ нравственною потребностію, въ силу которой они сами должны создать свое нравственное достоинство и опредѣлить нравственно свою личность собственною, ни отъ кого независящею силою самоопредѣленія, то и Его собственная вседѣйственная сила должна обнаруживаться по отношенію къ этимъ существамъ какъ сила нравственная, признающая ихъ личную самостоятельность и слѣдовательно сохраняющая ихъ силу самоопредѣленія. Это свободное самоопредѣленіе Божества не только не есть противорѣчіе безпредѣльному всемогуществу Божію, а напротивъ есть наилучшее доказательство Его Личности, не только какъ свободной, но и какъ истинно всемогущей, которая сама *владѣетъ* своимъ всемогуществомъ и слѣдовательно *не вынуждена съ необходимостію дѣйствовать, какъ эта безпредѣльная сила*, а дѣйствуетъ, какъ сила *нравственная*, т. е. какъ сила *самоопредѣленія*, какъ сила самоограничивающая или опредѣляющая себя, или какъ свобода, полагающая себѣ предѣлы и уважающая ихъ, какъ свое собственное нравственно-доброе твореніе. Излишне уже говорить о томъ, что Богъ есть не только свободная всемогущая воля, но и безпредѣльная любовь, а тамъ, гдѣ безпредѣльная любовь полагаетъ

себѣ границы, тамъ и всемогущая сила не захочетъ преступать ихъ.

Отрицателямъ свободы не понятенъ смыслъ словъ: Личный, Всемогущій Духъ, точно также, какъ непонятенъ смыслъ словъ: человѣческая личность,—а это непониманіе въ свою очередь зависитъ отъ не развитія нравственной потребности; являясь сознанію какъ нравственное чувство, эта потребность вынуждаетъ мысль человѣка къ признанію не только нравственнаго закона, но и свободы, какъ силы самоопредѣленія, какъ *силы творческой*, т. е. *творящей его собственное нравственное достоинство*, а чрезъ все это вмѣстѣ и къ пониманію какъ своей собственной личности, такъ и Бога, какъ своего первообраза, т. е. не только какъ Всемогущей силы, но и какъ нравственной Личности, какъ Личнаго Духа. Человѣкъ есть, въ данныхъ ему условіяхъ, самъ *творецъ* своего нравственнаго достоинства, своихъ качествъ: и что онъ создаетъ изъ себя, того ничто и никто, ни даже самъ Богъ — безъ его содѣйствія, разрушить не можетъ. Духъ человѣческій, т. е. его личное нравственное бытіе, по самому понятію о немъ, есть сила живая, во вѣки не умирающая, ибо ничѣмъ отвнѣ недосягаемая и неразрушимая.

Итакъ, быть нравственнымъ для человѣка значитъ прежде всего сознавать себя не вещію, не мертвымъ орудіемъ чуждой ему силы, а самостоятельною силою самоопредѣленія, въ себѣ самой носящею законъ своего дѣйствованія и по мѣрѣ сознанія его согласія или несогласія съ этимъ закономъ, носить въ себѣ самомъ источникъ своихъ временныхъ и вѣчныхъ духовныхъ радостей или мученій,— другими словами: значитъ быть не одухотворенною матеріею, въ которой духовная жизнь является какимъ-то блѣднымъ невольнымъ эхомъ или резонансомъ внѣшнихъ матеріальныхъ впечатлѣній и нервныхъ движеній, — а нравственно-творческою личною силою, развивающеюся и дѣйствующею въ условіяхъ матеріально-органической жизни.

Чтеніе второе: о содержаніи нравственности, являющемся и во внѣшней жизни.

Случайное перемѣщеніе засѣданія Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія изъ его обыкновеннаго, болѣе тѣснаго и внутренняго, въ другое болѣе широкое и такъ сказать внѣшнее пространство [1]) имѣетъ нѣкоторое совпаденіе съ тѣми двумя сторонами нравственности, изъ которыхъ на одной, доступной исключительно внутреннему самонаблюденію, остановлено было наше вниманіе въ прошлое воскресенье, тогда какъ другая, не переставая составлять внутреннее достояніе духа, выражается и во внѣшней, ежедневной жизни. Тогда рѣчь шла о внутреннихъ признакахъ нравственности, теперь предстоитъ сказать объ ея содержаніи. Позволяю себѣ пояснить эту тэму и для этого напомнить вкратцѣ содержаніе перваго чтенія.

Имѣя въ виду уяснить сущность христіанства, т. е. уяснить, въ чемъ состоитъ христіанская религія, или возстановленный союзъ между Богомъ въ Лицѣ Христа Спасителя и падшимъ человѣкомъ, и понять этотъ союзъ преимущественно съ одной его стороны, со стороны нравственной природы самого человѣка, въ первое чтеніе свое я старался указать на тѣ черты человѣческой нравственности, которыя можно назвать признаками ея, указателями ея существованія въ насъ, доступными только внутреннему самонаблюденію каждаго. Эти признаки, указывающіе намъ самимъ на наше нравственное призваніе, суть: *нравственное чувство*, или внутренняя, непосредственная, индивидуальная очевидность достоинства или недостоинства нашихъ отдѣльныхъ намѣреній и дѣйствій; далѣе—совершенно естественная, болѣе или менѣе сознательная, при участіи мыслительной способности человѣка, классификація этихъ намѣреній и дѣйствій, отмѣченныхъ одобреніемъ или порицаніемъ нравственнаго чувства, подъ рубриками добрыхъ или злыхъ; выраженная въ формѣ сужденій повелительнаго наклоненія, она и есть то,

[1]) Это чтеніе и слѣдующія происходили въ Соляномъ Городкѣ, зала котораго обширнѣе обыкновеннаго помѣщенія Отдѣла.

что называется *нравственнымъ закономъ*, есть ясно формулированное требованіе или практическій идеалъ того, чѣмъ *долженъ* быть человѣкъ; затѣмъ *совѣсть* или такое состояніе сознанія, въ которомъ одновременно даютъ о себѣ знать и наши намѣренія и дѣйствія, настоящія, прошедшія или будущія, и движенія нравственнаго чувства, одобряющаго или порицающаго эти намѣренія и дѣйствія въ виду нравственнаго закона; и наконецъ *нравственная свобода*, которая есть вовсе не отрицательное только понятіе, означающее отсутствіе матеріальныхъ препятствій къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, и не отвлеченное только понятіе о послѣдней причинѣ нашихъ дѣйствій, безъ всякаго ея отношенія къ нравственному чувству, а самосознательная сила, въ себѣ самой, въ своемъ нравственномъ чувствѣ носящая импульсъ своей дѣятельности, или энергія самоопредѣленія человѣка въ виду именно указаній нравственнаго чувства или нравственнаго закона, сила, въ отношеніи къ добру или злу ни отъ кого и ни отъ чего независимая. Всѣ эти указатели нравственности могутъ быть названы, какъ вы сами изволите усмотрѣть, вмѣстѣ и ея дѣятелями; это суть силы нашего духа, составляющія его нравственную сущность, пока еще не опредѣленную по своему содержанію.

Мы говорили: быть нравственнымъ, судя по этимъ внутреннимъ признакамъ, или, что тоже, силамъ нравственнымъ, значитъ для человѣка сознавать себя въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не орудіемъ внѣшнихъ вліяній на него, а ни отъ кого и ни отъ чего независящею силою самоопредѣленія по поводу этихъ вліяній, въ себѣ самой носящею законъ своихъ дѣйствій, и по мѣрѣ сознанія ихъ согласія или несогласія съ этимъ закономъ, быть самому источникомъ своихъ духовныхъ, ничѣмъ неотъемлемыхъ, радостей или мученій.

Но сказать, что я имѣю нравственное чувство или совѣсть и слѣдовательно сознаю требованія нравственнаго закона, и что я свободенъ или несвободенъ исполнить этотъ законъ, и что я наконецъ блаженъ или нравственно страдаю въ своемъ свободномъ дѣй-

ствованіи, не значитъ еще сказать: что же именно одобряетъ или порицаетъ мое нравственное чувство и моя совѣсть, чего же требуетъ этотъ законъ, что дѣлаетъ меня блаженнымъ. Точно также, какъ учить о Богѣ, что Онъ Всемогущъ и Святъ, что Онъ есть Законодатель и Мздовоздаятель и что Онъ Всеблаженъ, не значитъ еще учить о томъ: въ чемъ же собственно проявляется Его Всемогущество, чего требуетъ отъ Него Самого Его святый законъ, въ чемъ состоитъ Его внутреннее вседовольство и всеблаженство.

О внутренней жизни Божества намъ немного дано знать, и то только какъ въ зеркалѣ, т. е. по отраженію Божественнаго Духа въ нашемъ духѣ и въ твореніи вообще. Если о чемъ намъ дано вѣрно знать относительно Бога чрезъ Божественное Откровеніе, то это преимущественно о Его отношеніи къ Своему творенію. Лишь настолько, насколько мы познаемъ Его твореніе и насколько воспринимаемъ Его Откровеніе, мы можемъ гадать и отчасти знать: чѣмъ, какимъ содержаніемъ наполняется Его дѣятельность, о которой Спаситель сказалъ, что Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю (Іоанн. V, 17), что́ составляетъ предметъ Его благоволенія и Его отвращенія, что́, слѣдовательно, говоря почеловѣчески, радуетъ или оскорбляетъ Его. Но если намъ не дано и мы не обязаны знать о Богѣ болѣе того, что́ Ему благоугодно открыть о Себѣ,— то намъ вполнѣ дано и мы обязаны знать о томъ, изъ чего должна состоять наша человѣческая жизнь: мы, по волѣ Творца нашего, составляемъ *сами для себя законъ* (1 Римл. II, 14) и въ согласіи или несогласіи нашихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій съ этимъ закономъ призваны сами созидать или свое истинное благо или свое дѣйствительное бѣдствіе. Что же это за намѣренія и дѣйствія, требуемыя или запрещаемыя нравственнымъ закономъ,—или другими словами: что составляетъ содержаніе нравственности?

Говоря въ первомъ чтеніи, что наше *я*, или нашъ духъ, есть ни отъ кого и ни отъ чего независящая сила или энергія самоопредѣленія съ ея нравственнымъ чувствомъ, — мы прибавили въ

заключеніе, что онъ существуетъ не въ отвлеченномъ понятіи, а въ живой дѣйствительности, въ одушевленномъ матеріальномъ организмѣ; нашъ духъ походитъ не на комету, блуждающую безъ опредѣленной орбиты въ пустомъ пространствѣ, а на планету, которая хотя и можетъ дѣлать роковыя для себя отклоненія отъ предуказаннаго ей закономъ пути, но все же эти уклоненія не могутъ выходить изъ тѣхъ предопредѣленныхъ условій, въ которыхъ ей суждено Творцомъ вращаться. Являясь и существуя не иначе, какъ въ тѣлесномъ организмѣ, и вмѣстѣ съ нимъ подчиненный всѣмъ законамъ естественнаго земнаго бытія и развитія, и самъ духъ нашъ, какъ сила самосознательная, дѣятельная и чувствующая, развивается въ опредѣленныхъ, отъ него не зависящихъ условіяхъ. Не только растительная и животная жизнь нашего организма, но и развитіе, до нѣкоторой степени, самаго мышленія, вкуса къ изящному, наклонностей и привычекъ, пока они не подпадаютъ подъ контроль и вліяніе сознательнаго нравственнаго чувства, осуществляются внѣ нравственнаго самоопредѣленія. Невольность движеній самаго нравственнаго чувства и — образованія самаго нравственнаго закона, такъ настойчиво вмѣняющихъ нашей свободѣ наши намѣренія и дѣйствія, очевидно, также не въ нашей власти. Эта невольность даетъ намъ только съ необходимостію сознавать, что все то, что́ это чувство одобряетъ или порицаетъ, оно одобряетъ и порицаетъ, какъ зависящее отъ насъ и только отъ насъ, оставаясь само независимымъ отъ насъ. А если такъ, — то въ чемъ же проявляются наши свободныя намѣренія и дѣйствія? Другими словами: что служитъ собственно содержаніемъ нравственнаго закона, или, что въ данномъ случаѣ одно и тоже, содержаніемъ нравственности?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ двоякимъ образомъ: или выставляютъ одинъ общій, какъ говорятъ, *принципъ* нравственности, въ которомъ будто-бы заключаются всѣ частныя требованія нравственнаго закона, и потомъ стараются, хотя всегда безуспѣшно, выводить изъ него эти отдѣльныя требованія. Такъ поступали и до-

селѣ поступаютъ философы, когда говорили и говорятъ напр.—дѣйствуй согласно съ законами природы (стоики), — или: стремись только къ тому, что доставляетъ тебѣ удовольствіе (епикурейцы),— или: дѣйствуй такъ, чтобы правила твоей дѣятельности могли сдѣлаться правилами для всѣхъ людей (Кантъ), — или: стремись къ наибольшему счастію или пользѣ наибольшаго числа людей (англійскіе моралисты). Такіе и подобные, древніе и новѣйшіе, тезисы имѣютъ тотъ одинъ общій недостатокъ, что претендуя выразить существенное содержаніе нравственности, не выражаютъ собственно ничего: ни признаковъ нравственности, ни ея содержанія. Кто умѣетъ отличить въ своей душѣ блаженство мирной совѣсти отъ наслажденія съ характеромъ чувственнымъ, эстетическимъ, умственнымъ, кто способенъ и счастіе и пользу измѣрять своимъ нравственнымъ масштабомъ, тотъ знаетъ, какъ разнообразны потребности нашей природы и возникающія отъ удовлетворенія ихъ удовольствія; какъ различны и иногда противоположны между собою для различныхъ людей польза и счастіе; какъ мало мы выражаемъ, когда для того, чтобы узнать, какимъ правиломъ жизни должно руководствоваться, ссылаемся на другихъ,—и какъ еще менѣе можемъ предугадать: какія наши дѣйствія принесутъ наивысшую пользу наибольшему числу людей, и какъ узнать, какое изъ лучшихъ даже нашихъ намѣреній и дѣйствій не принесетъ инымъ вреда? Такими общими положеніями, въ основаніи которыхъ не лежатъ при томъ ни нравственное чувство, ни сознаніе нравственной свободы, не выражается — на мой взглядъ — ничего нравственнаго.

Другіе, и преимущественно богословы, справедливо считая содержаніемъ нравственнаго закона только то, что заповѣдано самимъ Богомъ, и находя выраженіе воли Божіей въ Священномъ Писаніи и писаніи святыхъ Отецъ, подбираютъ всѣ разсѣянныя въ этихъ источникахъ дѣйствительно нравственныя наставленія, выражаютъ эти наставленія въ формѣ правилъ, подводятъ ихъ подъ рубрики разныхъ обязанностей и составляютъ цѣлые кодексы за-

коновъ, на подобіе гражданскихъ кодексовъ, которыхъ, какъ ни подкрѣпляются они нравственнымъ чувствомъ, ни постоянно держать въ памяти, ни правильно примѣнять къ каждому случаю жизни для христіанина нѣтъ никакой возможности. Даже главныя заповѣди Богооткровеннаго Моусеева закона, изъ которыхъ іудейскіе раввины развили цѣлые томы своего Талмуда, развиваются иногда и въ христіанскихъ катихизисахъ въ такое количество предписываемыхъ добродѣтелей и запрещаемыхъ пороковъ, что самое главное, существенное содержаніе человѣческой нравственности, размѣненное, такъ сказать, на казуистическія мелочи, теряется изъ виду.

Мы въ настоящій разъ, разумѣется, не имѣемъ права и не можемъ, если бы и захотѣли, послѣдовать указанному методу богослововъ: намъ нужно указать только существенное содержаніе нравственности, и при томъ въ одномъ чтеніи. Не можемъ, подобно и философамъ, свести это содержаніе только на одно какое либо общее требованіе, по той, если угодно, философской причинѣ, что духъ нашъ, какъ сила нравственнаго самоопредѣленія, при самораскрытіи своемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, оказывается поставленнымъ не въ одномъ, а въ двухъ главныхъ и совершенно разнородныхъ между собою отношеніяхъ къ тому, что не есть онъ: во первыхъ—въ отношеніи къ матеріальному міру, слѣдовательно и къ своему собственному тѣлесному организму и всѣмъ невольнымъ впечатлѣніямъ на нервную систему этого организма; во вторыхъ—въ отношеніи къ другимъ нравственнымъ же личнымъ силамъ; а вслѣдствіе этого и проявленіе самаго нравственнаго чувства, а съ нимъ и свободы, *возможно* только тогда, когда намъ предстоитъ или: *въ индивидуальной жизни, самодѣятельно вліять на требованія тѣлеснаго, а съ нимъ и за нимъ и душевнаго*, или, какъ нынѣ любятъ говорить въ наукѣ, *психическаго развитія;* или: *въ общественной жизни, свои индивидуальные личные интересы согласовать съ интересами другихъ личностей.* Въ этихъ и только въ этихъ двухъ случаяхъ: съ одной стороны при раскрытіи и удовлетвореніи разнородныхъ потребностей нашей *низ-*

шей, душевной и тѣлесной природы,—съ другой—при столкновеніи этихъ потребностей съ потребностями другихъ людей, и именно для согласованія ихъ, — мало по малу возникаетъ въ каждомъ *возвышающееся надъ всѣми ими, невольное стремленіе или потребность сдѣлаться и быть самимъ собою*, т. е. сознать и опредѣлить себя въ такомъ или другомъ свободно созданномъ строѣ своей индивидуальной и общественной жизни.

Обращаясь къ первому требованію, прошу просвѣщенное Общество не смущаться тѣмъ, что вопреки новѣйшимъ и именно англійскимъ теоріямъ, не знающимъ, какъ кажется, другой нравственности, кромѣ общественной или соціальной, я позволяю себѣ указать на ея содержаніе прежде всего въ индивидуальной жизни человѣка. Это не моя мысль, а ученіе Божественнаго Откровенія; это есть, если можно такъ выразиться, идея самого Бога о человѣкѣ, и въ тоже время одна изъ основныхъ чертъ образа и подобія Божія въ природѣ духа человѣческаго. Еще прежде сотворенія человѣка, Божественная мысль о немъ, по ученію Откровенія, такъ выражена во внутреннемъ совѣтѣ Тріединаго Бога: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію*. Въ какой же дѣятельности людей должны были обнаружиться этотъ образъ и подобіе Божіе? *И да владычествуютъ они*, продолжаетъ тотъ же Тройческій совѣтъ, *надъ всею землею*—надъ всѣмъ безличнымъ и матеріальнымъ бытіемъ на землѣ (Быт. I, 26). Созданный потомъ не изъ персти только земной, но и отъ *дуновенія Божія*, которое не тоже, что персть земная, Адамъ оставался нѣкоторое время одинокимъ на землѣ, и несмотря на свое одиночество, уже получилъ отъ Бога повелѣніе, которое, конечно, отвѣчало его собственному нравственному чувству, хотя и не могло еще быть рѣчи объ обществѣ человѣческомъ; ему повелѣно было именно быть владыкою своего земнаго рая, не только хранить его и владѣть имъ, но и собственнымъ трудомъ воздѣлывать его (Быт. II, 15). А чтобы этотъ трудъ былъ дѣйствительнымъ, самодѣятельнымъ, и чтобы владыка неразумной твари не былъ порабощенъ ею, Богъ даетъ Адаму

случай собственною своею мыслію и словомъ дать имена своимъ подвластнымъ; а съ другой стороны заповѣдію о невкушеніи плодовъ древа познанія добра и зла указываетъ ему, между прочимъ, на опасность и необходимыя послѣдствія порабощенія себя чувственности. Короче: уже для одинокаго человѣка на землѣ существовало нравственное требованіе: быть не вещію или пассивнымъ орудіемъ внѣшнихъ стихій жизни, а сознательною силою самоопредѣленія въ отношеніи къ нимъ, быть именно такою царственною властію въ мірѣ, которая пользуется имъ для своихъ духовныхъ цѣлей, не порабощаясь ему, а распоряжаясь имъ.

Это требованіе, какъ и всякое разумное требованіе отъ человѣка, въ сущности есть ничто иное, какъ требованіе природы самого духа человѣческаго, удовлетворяющее потребности его собственнаго бытія и развитія или, что́ тоже, нравственной потребности; ибо онъ не иначе можетъ *быть для себя самого*, узнать себя самого или достигнуть самосознанія и самоопредѣленія и слѣдовательно самосовершенствованія, какъ только чрезъ обладаніе и пользованіе тѣмъ, что не есть духъ.

Простое *сознаніе* человѣческое—этотъ внутренній свѣтъ, безъ котораго нѣтъ насъ самихъ, слѣдовательно нѣтъ для насъ никакой жизни и никакого бытія, есть на самыхъ уже первыхъ порахъ ничто иное, какъ *различеніе* и *соединеніе* ощущеній, т. е. распоряженіе, власть надъ тѣми невольными движеніями въ нашей головѣ и въ нашемъ сердцѣ, которыя возбуждаются въ нихъ впечатлѣніями внѣшняго міра чрезъ внѣшнія чувства и раздраженія нервной системы. Эти-то невольныя ощущенія и составляютъ тотъ первичный, элементарный матеріалъ, въ *упорядоченіи* и *усвоеніи* котораго только и проявляются мало по малу первые зачатки сознательной душевной жизни, хотя мы еще пока и не сознаемъ собственно себя самихъ, своего *я*.

Внѣшнему наблюденію конечно не возможно уловить тотъ моментъ *внутренней* душевной жизни, когда простое сознаніе раз-

вивается до *самосознанія*; не возможно это и для внутренняго самонаблюденія, ибо нѣтъ еще этого *само*, чтобы наблюдать за собою. Тайна *начала всякой жизни* для насъ едвали не навсегда останется тайною. Но мы отъ этого ничего не теряемъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ. Для насъ достаточно признать тотъ фактъ самонаблюденія, что коль скоро мы дѣйствительно сознаемъ себя, какъ *я*, то это самосознаніе есть уже всякій разъ сознаніе себя энергіею или силою, не только *дѣйствующею* въ самомъ актѣ сознанія, но и *отличающею* свои дѣйствія отъ невольныхъ психическихъ движеній, возбуждаемыхъ нервными раздраженіями; не только отличающею себя отъ нихъ, но и *вникающею* въ нихъ, и только чрезъ это вниканіе дѣлающею возможными тѣ сознательныя душевныя состоянія (представленія, чувствованія, желанія), изъ которыхъ слагается весь матеріалъ нашей сознательной жизни. Во взглядѣ полусознательнаго младенца не свѣтится ли уже лучъ, заставляющій гадать, что за этимъ взглядомъ кроется не мертвая арена борьбы какихъ-то сторонихъ механическихъ силъ, а живая, на себя опирающаяся энергія, вырабатывающая себѣ болѣе благопріятныя психическія и органическія условія, чтобы раскрыться въ полнотѣ сознательнаго самоопредѣленія?

Наше *я* дѣйствительно не ограничивается самосознаніемъ и участіемъ въ тѣхъ простѣйшихъ формахъ душевной жизни, которыя называются первичными представленіями, чувствованіями, желаніями; не отдѣляя себя отъ нихъ и безъ нихъ не сознавая и себя, оно въ тоже время примѣчаетъ законы возникновенія и образованія своихъ же сознательныхъ актовъ и, согласно съ кроющимся въ немъ импульсомъ, переработываетъ свой психическій матеріалъ такъ, что онъ становится неотъемлемымъ достояніемъ нашего *я* въ формѣ богатства самыхъ разнообразныхъ знаній, вкусовъ, навыковъ.

Владѣя же всѣмъ этимъ достояніемъ или правильнѣе: по мѣрѣ накопленія его, въ насъ болѣе и болѣе раскрывается и нравственное самосознаніе, подъ контролемъ котораго мы и пользуемся всѣмъ своимъ душевнымъ богатствомъ, какъ *орудіемъ для обратнаго*

воздѣйствія: и на *внов* *невольно* возникающія въ сознаніи психическія состоянія наши собственныя, и на нервную систему тѣлеснаго организма, а чрезъ него и на все, насъ окружающее. Что такое напр. исторія внѣшней культуры въ какой угодно ея отрасли, начиная съ каменныхъ топоровъ и другихъ орудій до новѣйшихъ безконечно разнообразныхъ техническихъ сооруженій, какъ не исторія бо́льшаго и бо́льшаго развитія духа, какъ власти разума надъ мертвою матеріею? Или: что такое искусство воспитанія или самовоспитанія, какъ не проявленіе разумной власти духа въ образованіи или преобразованіи психическаго строя въ себѣ самихъ или въ дѣтяхъ? И можемъ ли мы сказать, что наше нравственное чувство остается безъучастнымъ къ такой или другой степени проявленія этой власти въ насъ ли самихъ, или въ другихъ людяхъ? Сила мысли, богатство знанія, хотя бы они относились только къ внѣшнему міру, всякое умѣнье и искусство, особенно же энергія воли въ управленіи своими животными инстинктами, примѣчаемыя нами въ комъ бы то ни было, даже въ злодѣѣ общества, развѣ не возбуждаютъ къ себѣ невольное уваженіе? А что́ мы уважаемъ въ другихъ, то мы уважаемъ и въ себѣ самихъ; и не можемъ быть довольны собою, коль скоро сознаемъ въ себѣ отсутствіе качествъ, возбуждающихъ наше одобреніе. Отсюда—соревнованіе, которое справедливо называется *благороднымъ*, между отдѣльными лицами и цѣлыми народами въ культурномъ преуспѣяніи; отсюда же безотчетный, хотя часто ложный, *стыдъ* или *страхъ* при мысли, что другіе могутъ замѣтить въ насъ недостатокъ воли, или знанія, или мужества, или вкуса и т. п. Человѣкъ, живущій только слѣпыми тѣлесными инстинктами, грубыми чувственными страстями, недоразвившійся до самосознанія и самообладанія, и Словомъ Божіимъ уподобляется *животнымъ закалаемымъ* (Псал. XLVIII, 13. 21), и мудрецами древняго цивилизованнаго міра не считался за человѣка; онъ являлся бы *презрѣннымъ* и въ нашихъ глазахъ, если бы христіанство не научило насъ не отчаяваться въ человѣческомъ достоинствѣ послѣдняго изъ людей, не судить чужому рабу,

а больше смотрѣть на то: стоимъ ли мы сами въ той свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не участвуемъ ли сами въ порабощеніи ближняго своего?

Заповѣдь: владычествовать надъ землею, хранить и воздѣлывать ее—понимаемая въ изъясненномъ смыслѣ, есть не внѣшнее только Божественное велѣніе, но и одно изъ двухъ основныхъ требованій нравственной природы нашей.

Это есть требованіе: мудрости, или дѣятельнаго, практическаго знанія, слѣдовательно бо́льшаго и бо́льшаго наблюденія законовъ и своей душевной и органической жизни и жизни всего внѣшняго планетнаго міра; а такъ какъ природа только тому благодарна, кто обладаетъ ея силами, а не порабощается ими,—то въ немъ заключается требованіе: и непрестаннаго труда или трудолюбія, упадокъ котораго есть первый признакъ порабощенія человѣка слѣпымъ силамъ природы;—и извѣстной доли мужества въ борьбѣ то съ стихіями природы,—то съ хищными ея обитателями;—и постояннаго долготерпѣнія, такъ какъ природа не вдругъ открываетъ свои тайны и блага ищущимъ ихъ;—и особенно воздержанія, или всегдашней готовности сдерживать слѣпые инстинкты своей собственной тѣлесной природы, которые опаснѣе всѣхъ грозныхъ внѣшнихъ стихій и порабощаютъ себѣ свободу человѣка крѣпче всякихъ узъ; а гдѣ созрѣваютъ всѣ эти нравственныя качества духа, имъ самимъ создаваемыя въ себѣ по отношенію къ тѣлу и внѣшнему міру, тамъ предъ лицемъ этого міра и въ отношеніи къ нему человѣкъ не можетъ не питать къ себѣ чувства самоуваженія, какъ къ такой личной, духовной силѣ, которая безконечно превышаетъ все безличное и матеріальное.

Всѣ эти высокія качества духа онъ самъ создаетъ въ себѣ, какъ свое духовное тѣло, и гдѣ они созданы, эти нетлѣнныя и во вѣки пребывающія блага, эти, однимъ словомъ, добродѣтели, какъ истинное содержаніе нравственности, тамъ и все прочее прилагается само собою: и правильное развитіе, здоровье и долголѣтіе жизни тѣлеснаго организма, и способность и готовность занять среди другихъ

людей такое общественное положеніе, которое даетъ мѣсто труду и слѣдовательно матеріальнымъ средствамъ своего существованія, и матеріальная собственность, какъ естественный плодъ труда, и вообще радости земной жизни, насколько онѣ зависятъ отъ собственнаго умѣнія пользоваться и наслаждаться внѣшнею природою съ чистою совѣстію.

Всѣ эти внѣшнія земныя блага, *какъ выраженіе внутреннихъ добродѣтелей*, суть не только естественныя, но и поистинѣ нравственныя блага,—такъ что разсматриваемыя сами по себѣ, какъ выраженіе власти человѣка надъ внѣшнею природою, онѣ служатъ очевиднѣйшимъ свидѣтельствомъ его внутренняго нравственнаго развитія. Прочные и красивые дома съ свѣтлыми и чистыми комнатами, обработанныя поля, здоровый домашній скотъ, хорошо содержимые лѣса, удобные и безопасные пути сообщенія, здоровый, бодрый и веселый духъ жителей, насколько все это зависитъ отъ разумнаго пользованія матеріальною природою, — все это, не говоря уже о храмахъ наукъ и искусствъ, о промышленности, о морской и сухопутной торговлѣ, рельсовыхъ и телеграфныхъ средствахъ сообщенія и т. п.,—все это есть свидѣтельство истиннаго благословенія Божія добродѣтельному человѣку, данное ему прежде всего въ собственной природѣ его духа.

Именно—благословенія Божія, не только, такъ сказать, задуманнаго, какъ мы видѣли, Богомъ еще до созданія человѣка, но и по созданіи его выразившагося въ тѣхъ немногихъ чертахъ обращенія Бога съ человѣкомъ, которыя сохранены намъ въ Откровеніи. Что заповѣдалъ Адаму Богъ, когда Самъ привелъ къ нему животныхъ, чтобы онъ нарекъ имъ имена, какъ не то, чтобы онъ самъ научился быть владыкою ихъ и для этого научился мыслить и познавать? Дать вѣрное названіе какой-бы то ни было вещи значитъ глубоко понимать эту вещь. На что указываетъ и заповѣдь о невкушеніи отъ древа познанія добра и зла, какъ не на опасность преобладанія, между прочимъ, чувственности, коль скоро ей не будетъ противопоставлено свободное повиновеніе закону добра? Адамъ самъ

долженъ былъ создать въ себѣ и власть надъ своими животными влеченіями, чтобы быть дѣйствительно свободнымъ обладателемъ міра. Но и по паденіи человѣка, чрезъ Моисея Богъ заповѣдуетъ ему веселиться о всѣхъ благахъ, которыя Господь Богъ далъ ему (Втор. XXVI, 11); ограждаетъ жизнь человѣка, его здоровье, долголѣтіе, трудъ, собственность и все земное благоденствіе особыми заповѣдями (4-я, 5-я, 6-я, 8-я заповѣди), при чемъ благоденствіе и долголѣтіе (5-я заповѣдь), обладаніе собственностію на землѣ, успѣхъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣка, въ плодѣ чрева его, въ плодѣ скота его, въ плодѣ земли его, словомъ: земныя радости—ставитъ въ прямую зависимость отъ его добродѣтели, отъ исполненія имъ велѣній Божіихъ (напр. XXVIII—XXX главы Второзак.; кн. Псалмовъ, Притчей, Премудр. Солом. и Премудр. Іисуса сына Сирахова), равно какъ и всѣ бѣдствія физическія, во внѣшней природѣ и въ сферѣ человѣческой жизни, ставитъ въ прямую зависимость отъ порока, отъ свободной нравственной порчи духовной человѣческой природы (Тамъ же и III-я гл. кн. Бытія).

И Христосъ Спаситель, пришедшій исполнить законъ и возстановить въ падшихъ людяхъ силу къ его исполненію, когда Іоаннъ изъ темницы послалъ своихъ учениковъ спросить Его: „Ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго?“—какъ на признакъ наступленія Своего царства на землѣ и слѣдовательно—исполненія закона, указалъ имъ на то, что они слышатъ и видятъ, т. е. что бѣдствія изчезаютъ съ лица земли: *слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ* (Мтѳ. XI, 2—5). И Самъ, проповѣдуя Евангеліе царствія, по неоднократному замѣчанію евангелистовъ, исцѣлялъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ, слѣдовательно въ здоровьѣ тѣла находилъ необходимое проявленіе нравственной жизни на землѣ; воскрешалъ мертвыхъ, слѣдовательно земную жизнь считалъ великимъ благомъ человѣка; благословлялъ всякую земную радость, коль скоро она освящалась чистою совѣстію: раздѣлялъ трапезу, на которую приглашали Его

богатые, даже мытари; наслаждался отдыхомъ въ кругу сердечно преданныхъ Ему друзей въ Виѳаніи, въ бесѣдѣ съ Лазаремъ и его сестрами; претворялъ воду въ вино на бракѣ, слѣдовательно считалъ не недостойнымъ Своей Божественной святости содѣйствовать веселію и брачнаго пира. И всѣ разнообразныя призванія, въ которыхъ силы человѣка примѣняются къ труду въ мірѣ: сѣятель и пастырь овецъ, домохозяинъ и содержатель гостинницы, купецъ и мѣняла, врачъ и судія, царь и воинъ—составляютъ въ очахъ Спасителя столь достойныя человѣка блага, что Онъ видитъ въ нихъ символы проповѣданнаго Имъ царствія Божія.

Правда, Христосъ Спаситель въ ученіи и дѣлахъ Своихъ прежде всего и больше всего имѣлъ въ виду не внѣшнія блага, а душу человѣка, его добродѣтель: но зачѣмъ? Чтобы она могла проявляться въ земной жизни, и между прочимъ именно въ земныхъ благахъ, въ долголѣтней жизни и здоровьѣ тѣла, въ трудѣ, въ земномъ благоденствіи и въ распространеніи этого благоденствія по всему міру; вотъ почему, конечно, посылая Своихъ апостоловъ на проповѣдь, Онъ далъ имъ власть надъ всѣми бѣсноватыми и больными (Лук. IX, 1—2),—и признакомъ увѣровавшихъ въ Него поставилъ то, что они *именемъ Его будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы* (Марк. гл. XVI).

Внѣшнія блага, хотя и въ иномъ, намъ неизвѣстномъ и неудобомыслимомъ видѣ, по ученію Евангелія, будутъ сопутствовать внутреннимъ добродѣтелямъ вѣрующаго и въ будущей жизни. Воскресши Самъ, Господь не иначе будетъ судить насъ, какъ по соединеніи душъ нашихъ съ нашими хотя и измѣненными тѣлами, и не иную жизнь уготовалъ намъ, какъ жизнь *въ тѣлахъ* на *новой землѣ* съ *новымъ небомъ* (Апок. гл. XXI), и слѣдовательно *новыя земныя блага* и весь *новый міръ* поставилъ необходимымъ выраженіемъ не только земнаго нравственнаго добра, но и вѣчно-блаженной жизни.

Божественное Откровеніе учитъ о томъ, что міръ во злѣ лежитъ,

но не о томъ, что самъ міръ есть зло; зло въ мірѣ, по его ученію, есть ничто иное, *какъ похоть плоти, похоть очей* (порабощеніе чувственности—преступленіе перваго предписанія нравственнаго закона) и *гордость житейская* (1 Іоан. II, 16: эгоизмъ—преступленіе втораго предписанія того же закона). Поэтому оно заповѣдуетъ отвращаться нравственнаго зла (Римл. XII, 9), въ которомъ міръ лежитъ, но нигдѣ не заповѣдуетъ ненавидѣть самый міръ, безъ котораго невозможно и нравственное добро; заповѣдуетъ искоренять плевелы, которые врагъ посѣялъ въ полѣ, но не заповѣдуетъ истреблять самое поле (Матѳ. XIII, 30), безъ котораго не можетъ расти и пшеница. Словомъ, *зло*, съ точки зрѣнія отношенія между духовными и матеріальными потребностями человѣка, есть только *воля* его, *порабощенная слѣпою природою*, или *природа, поколику воля его порабощается*, однимъ словомъ: чувственность воли; равно и *добро* есть воля человѣка, пользующаяся природою, какъ выражается св. апостолъ, такъ, какъ бы не пользовалась (1 Кор. VII, 31), или есть самая эта *природа, земныя блага, міръ, поколику человѣкъ*, пользуясь ими, не порабощается, а *владѣетъ ими*, или однимъ словомъ: власть духа надъ природою. „Грѣхъ“, по ясному ученію и Православнаго исповѣданія, „есть“ ничто иное, какъ только „необузданная воля человѣка и діавола“ (Прав. Испов. ч. III, вопр. 16).

Правда, что далеко не вездѣ, гдѣ есть внѣшнее матеріальное благосостояніе, замѣчается и здравое нравственное развитіе. Мы сказали, что разсматриваемое само по себѣ, какъ выраженіе власти человѣка надъ матеріальною природою, оно есть всегда и нравственное благо. Но вѣдь мы не говоримъ, что все содержаніе нравственности исчерпывается однимъ только отношеніемъ человѣка къ матеріальному міру. Безъ отношенія къ другимъ живымъ, личнымъ силамъ, конечно, невозможно развитіе и индивидуальной личности, какъ и Адамъ не могъ бы быть человѣкомъ, если бы Самъ Богъ не воспитывалъ его. Мы сейчасъ будемъ говорить о второмъ основномъ требованіи нравственнаго закона, возникающемъ изъ отношеній од-

ного человѣка къ другимъ людямъ, но уже теперь можемъ сказать, что для того, чтобы сознательно быть чѣмъ нибудь для другихъ людей, надобно быть прежде всего чѣмъ нибудь для себя самого. И откровенный чрезъ Моисея законъ прежде, чѣмъ въ послѣднихъ 6-ти заповѣдяхъ говорить объ отношеніяхъ человѣка къ другимъ людямъ, въ 4-й, которую обыкновенно относятъ къ религіознымъ, повелѣваетъ: *шесть дней дѣлай*—трудись, только тогда ты будешь, какъ слѣдуетъ, и молиться, будешь человѣкомъ,—а въ дальнѣйшихъ постановленіахъ своихъ обращаетъ вниманіе трудящагося не только на его родныхъ и близкихъ, но и на его поля, на его домъ, на его скотъ, на всю его землю, какъ на прекрасное дѣло рукъ Божіихъ. Власть надъ матеріальными силами, лежащая въ существѣ нашей нравственной силы самоопредѣленія,—можетъ, конечно, вести къ эгоизму съ его противообщественными стремленіями, и мы видимъ, что не только въ древнемъ допотопномъ мірѣ въ лицѣ потомковъ Каина, но и въ древнемъ послѣпотопномъ западномъ мірѣ этотъ эгоизмъ, при значительномъ развитіи культуры, доходилъ до обоготворенія себя и до звѣрскаго отношенія къ другимъ личностямъ; но въ тоже время мы должны сознаться, что многое въ произведеніяхъ мысли и искусства древнихъ грековъ и римлянъ освящено и усвоено и христіанствомъ, и многое послужило къ развитію христіанской мысли и христіанскаго искусства. Во всякомъ случаѣ блага, возникающія изъ исполненія перваго основнаго требованія нравственнаго закона: внутреннія, какъ указанныя выше добродѣтели, и внѣшнія, какъ ихъ выраженія, разсматриваемыя сами по себѣ,—не могутъ не быть названы *нравственными* благами.

Итакъ, первое основное требованіе нравственнаго закона, согласное и съ волею Божіею, можетъ быть выражено такъ: господствуй, какъ разумная власть, надъ всѣмъ непроизвольнымъ и матеріальнымъ, что входитъ въ сферу твоего самосознанія и самоопредѣленія, и пользуйся имъ, какъ орудіемъ для стяжанія твоихъ духовныхъ, нетлѣнныхъ благъ.

Но значеніе нашего духа, какъ господственной *власти*, тот-

часъ прекращается, когда мы обращаемъ вниманіе на его отношеніе не къ себѣ самому или внѣшнему міру, а къ другимъ—такимъ же, какъ онъ, свободнымъ и разумнымъ силамъ и именно—людямъ. Здѣсь у каждаго изъ насъ, вѣроятно, является сама собою мысль о любви ко всѣмъ и особенно о милосердіи къ страждущимъ, какъ существенномъ содержаніи нравственности въ ея отношеніи къ ближнимъ съ христіанской точки зрѣнія. Любовь и милосердіе—священныя и великія слова,—не слова только, но и сила, низведшая Сына Божія съ неба и предавшая Его всѣмъ возможнымъ земнымъ страданіямъ за искупленіе нашихъ грѣховъ. Тѣмъ не менѣе, говоря о содержаніи нравственности, поколику оно проявляется въ отношеніи къ другимъ людямъ, я предпочитаю начать съ того, что̀ неотдѣлимо отъ любви и милосердія и что̀ вызвало и самую любовь на страданія,—я разумѣю правду, правосудіе, безъ котораго мы также не можемъ мыслить Святости Божіей, какъ и безъ любви. И изъ устъ самого Спасителя, такъ несказанно любящаго родъ человѣческій, мы слышимъ не разъ горе: горе и отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлымъ городамъ. Нѣкогда и изъ устъ Отца Небеснаго, по словамъ той же Любви, услышатся эти ужасныя слова: *идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный.* Какъ примиряются въ существѣ Божіемъ эти свойства по отношенію къ Его разумному созданію, на это мы имѣемъ отвѣтъ единственно въ сознаніи своей свободы въ отношеніи къ добру и злу; отъ насъ самихъ, при помощи преизобильно дарованныхъ отъ Бога средствъ, зависитъ та или другая участь; потому только мы обладаемъ самосознаніемъ, и свободою, и нравственнымъ чувствомъ, потому только мы и люди и христіане, что сами управляемъ своею временною и вѣчною судьбою. Оставляя догматической наукѣ этотъ вопросъ о Богѣ, мы видимъ, что и заповѣди какъ Самого Спасителя, такъ и Его учениковъ, не всегда говорятъ о любви только.

Спаситель, говорившій, что первая большая заповѣдь есть любовь къ Богу, вторая подобная ей—любовь къ ближнему, и что въ этихъ двухъ заповѣдяхъ заключаются весь законъ и пророки,

прибавлялъ: любовь къ ближнему, *какъ къ себѣ самому;* слѣдовательно оцѣнку себя самого, свое внутреннее достоинство или недостоинство установилъ для человѣка мѣрою отношеній его и къ ближнему. Болѣе того: не одинъ разъ Онъ существенное содержаніе нравственнаго закона по отношенію ко всякому человѣку выражалъ и въ такихъ словахъ: „во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, и вы поступайте съ ними: *ибо въ этомъ законъ и пророки*“ (Матѳ. VII, 12; Лук. VI, 31). Св. апостолы были вѣрны своему Учителю и въ этомъ ученіи: тогда какъ изъ устъ одного изъ нихъ мы слышимъ: *весь законъ заключается въ одномъ словѣ: люби ближняго твоего, какъ самого себя* (Галат. V, 14), опять съ добавленіемъ: какъ самого себя,—*цѣлый соборъ первенствующей церкви со всѣми апостолами во главѣ* даетъ новообращеннымъ изъ язычниковъ христіанамъ основное правило поведенія въ отношеніи ближнихъ, которое также указываетъ не на любовь, а на справедливость: *не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь* (Дѣян. XV, 20). Все это только оправдываетъ совершенно естественную мысль, что истинное милосердіе, любовь не могутъ быть слѣпыми, безотчетными, неразумными; чтобы миловать, или *любить нравственно* нужно сознавать: что́ любить въ ближнемъ, а главное: *какъ, какъ* любить и миловать его? Слѣпая любовь, даже материнская къ своему ребенку, можетъ безвозвратно погубить его, сдѣлать изъ него куклу, орудіе прихотей матери, тѣмъ болѣе для нея дорогое, чѣмъ сильнѣе ея инстинктивная привязанность къ своему дѣтищу.

Только тамъ, гдѣ развито чувство самоуваженія вслѣдствіе сознанія своей личности, какъ духа, какъ разумной власти надъ всѣмъ матеріальнымъ, какъ существа, обладающаго чувствомъ долга своего развитія въ этой сферѣ, и слѣдовательно своихъ неотъемлемыхъ правъ на это развитіе и на ея условія, только тамъ мыслимо и разумное отношеніе къ другимъ личностямъ, къ ихъ обязанностямъ и правамъ,—и это отношеніе къ ближнимъ выразится прежде всего въ нравственныхъ требованіяхъ *права и справедливости* по

отношенію къ ближнимъ. Я разумѣю подъ потребностью *права* потребность порядка, организаціи общественной жизни, разграниченія сферы для дѣятельности каждаго и слѣдовательно ограниченія *внѣшней* свободы каждаго въ пользу общаго благосостоянія; а подъ потребностію *справедливости*—потребность оцѣнки каждаго и возданія ему по его личнымъ заслугамъ, и возстановленія правъ его въ случаѣ ихъ нарушенія.

Что эти потребности и ихъ удовлетвореніе имѣютъ нравственный характеръ, это видно помимо всякаго положительнаго законодательства въ юридическомъ смыслѣ. Порядокъ жизни въ любомъ, сколько нибудь нравственно развитомъ семействѣ, гдѣ и дитя имѣетъ свое мѣсто за столомъ и свои, ему только принадлежащія, вещи, и старшіе члены семьи имѣютъ свои права и обязанности какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и относительно младшихъ; общественные неписанные нравы и обычаи въ отношеніи къ общественной организаціи, которымъ вездѣ подчиняются какъ племена, не имѣющія никакихъ писанныхъ законовъ, такъ и болѣе цивилизованные народы; чувства негодованія, невольно возникающія при нарушеніи общественнаго порядка, и довольства и спокойствія—при возстановленіи его независимо отъ личныхъ выгодъ или опасностей; потребность воздать услугою за услугу и признаніе неблагодарности—чернымъ порокомъ; невольное одобреніе правдивости и безпристрастія, и порицаніе фальши и лицепріятія въ частныхъ сужденіяхъ, равно какъ и въ общественныхъ—судѣ и расправѣ; чувство негодованія при видѣ безнаказанности злодѣевъ и—наказанія невинныхъ; существованіе внѣшнихъ общественныхъ отличій, какъ выраженіе уваженія къ заслуживающимъ того, и мести и наказанія преступниковъ въ наименѣе развитыхъ народахъ, — все это и тому подобное —ясно—понятный знакъ удовлетворенія или неудовлетворенія потребности права и справедливости, однимъ словомъ—правды.

Поэтому-то я не могу никоимъ образомъ понять, какъ возможно гражданское законодательство безъ нравственной основы и

не могу не раздѣлять убѣжденія тѣхъ юристовъ, которые въ положительномъ правѣ христіанскихъ государствъ видятъ, какъ мнѣ кажется, только выраженіе разумно понятой нравственной потребности, и на самое государство смотрятъ какъ на *нравственное учрежденіе*, имѣющее не матеріальную только, а прежде всего *нравственную цѣль*,—именно: *всестороннее развитіе индивидуально-общественныхъ силъ*. „*Какъ въ физическомъ организмѣ человѣка*“, говоритъ напр. одинъ изъ такихъ уважаемыхъ въ наукѣ юристовъ, „*нервная система есть органическая связь, соединяющая всѣ его части между собою и съ цѣлымъ и служащая посредникомъ ихъ взаимодѣйствія, такъ и въ практической жизни отдѣльныхъ личностей и всего общества право совершаетъ подобное органическо-нравственное отправленіе*, требуя, чтобы для каждой части (общества), для каждой области со всѣхъ сторонъ установлены были условія, отъ которыхъ зависитъ достиженіе разумныхъ цѣлей (всестороннее развитіе индивидуально-общественныхъ силъ). Установляя каждую часть, какъ цѣлое, право восполняетъ недостатки, присущіе ей, какъ части, услугами, которыя для него должны быть со всѣхъ сторонъ совершаемы въ органическомъ цѣломъ“ [1]). Если положительное право юридическою наукою сравнивается съ *нервною системою общественнаго организма*, то нравственную потребность права и справедливости я не могу не сравнить съ *силою, дѣйствующею въ этихъ нервахъ*. Насколько эта сила развита и проникла въ нервы, насколько при ея движеніи они приходятъ въ сотрясеніе, т. е. насколько возбуждено нравственное чувство, сознается нравственный законъ, окрѣпла свобода въ его осуществленіи въ гражданскомъ обществѣ, настолько развивается и осуществляется въ немъ и положительное право. Вотъ почему и съ нравственной точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію положеніе юридической науки, что *все, что предписывается и запрещается правомъ, въ тоже время требуется и запрещается*

[1]) Naturrecht oder Philosophie des Rechtes und des Staates v. Heinrich Ahrens 6-te Ausgabe. Wien. 1870. B. 1. S. 273—274.

нравственностію [1]). Остаются нѣкоторые нервы внѣ вліянія этой силы, или не развились настолько, чтобы обнаруживать въ себѣ ея вліяніе, т. е. недостаточно развиты нравственное чувство, сознаніе нравственнаго закона, и сила къ его осуществленію; въ такомъ случаѣ недостаточно развито и положительное право,— содержаніе нравственной потребности не находитъ своего полнаго выраженія въ положительномъ правѣ: вотъ почему неоспоримо и другое, обратное, положеніе юридической науки, что *не все то, что предписывается или запрещается нравственностію, предписывается или запрещается правомъ*“ [2]). Это не то значитъ, что право дозволяетъ что либо не нравственное, а только или то, что развитіе положительнаго законодательства не соотвѣтствуетъ нравственному развитію общества, или то, что не нравственное терпится, попускается положительнымъ правомъ по нравственной грубости членовъ общества, какъ самъ Богъ терпитъ, попускаетъ зло въ людяхъ.

Положительное законодательство, по моему крайнему разумѣнію, есть ничто иное, какъ выраженіе нравственнаго закона въ отношеніи къ другимъ людямъ; отдѣлять первое отъ послѣдняго значитъ отдѣлять букву отъ ея смысла, жизнь отъ ея силы.

Что *принужденіе не есть* характеристическій признакъ положительнаго права, будто бы *существенно* отличающій его отъ нравственности, въ доказательство этого достаточно указать на то одно, что безъ развитія чувства законности осуществленіе закона не мыслимо, онъостанется на всегда мертвою буквою,—а это чувство и есть чувство долга, неотдѣлимаго отъ нравственнаго закона, по отношенію къ ближнимъ; гдѣ же оно развито, тамъ законъ исполняется *охотно, добровольно; а это и составляетъ нормальное отношеніе человѣка, какъ гражданина, къ положительному праву*, какъ точному изъясненію собственной нравственной потребности человѣка въ примѣненіи къ условіямъ общественной жизни. Слово Божіе знаетъ

---

[1]) S. 312.

[2]) Ibidem.

хорошо нравственную природу человѣка, когда заповѣдуетъ ему повиноваться власти не по страху принужденія, а *по совѣсти*.

Положительное право не имѣетъ въ виду и иныхъ цѣлей, кромѣ нравственныхъ, когда стремится къ всестороннему развитію гражданскаго общества чрезъ удовлетвореніе всѣхъ его потребностей; поэтому-то между всѣми союзами, которые оно для этой цѣли организуетъ: учеными, учебными, для развитія изящныхъ искусствъ, для искусствъ полезныхъ, промышленности, торговли, для воспитанія,—*мы напрасно стали бы искать спеціальныхъ обществъ для нравственныхъ цѣлей;* оно не можетъ ихъ знать и не знаетъ *не потому, что оно чуждо нравственности, а потому, что оно само и всякое общество, основанное на немъ, есть выраженіе нравственной потребности въ условіяхъ общественнаго быта;* внѣ науки, искусствъ изящныхъ и полезныхъ, внѣ семейныхъ, народныхъ и международныхъ отношеній, словомъ внѣ отношеній духа къ тѣлу и внѣшней природѣ, какъ власти надъ ними, и внѣ общественныхъ союзовъ, выражающихъ отношенія между личностями, нравственная потребность не можетъ ни проявляться, ни развиваться. Даже *религіозныя* общества не могутъ считаться *спеціально*-нравственными, потому что союзъ между Богомъ и человѣкомъ есть только одинъ, хотя и важнѣйшій, изъ многихъ союзовъ, въ которыхъ выражается нравственная природа человѣка; и высшій плодъ этого союза—духовное обновленіе человѣка можетъ выражаться опять только въ двухъ его отношеніяхъ: въ отношеніи къ матеріальному міру и къ другимъ личностямъ.

Все это не значитъ однако же, чтобы право и справедливость могли когда либо исчерпать содержаніе нравственнаго закона по отношенію къ другимъ людямъ. Какъ въ основаніи власти человѣка надъ всѣмъ матеріальнымъ лежитъ *природа духа*, какъ силы самосознанія и самоопредѣленія, по существу своему безконечно *превышающей все матеріальное*, такъ и *въ основаніи* невольнаго, естественнаго требованія права и справедливости въ отношеніи къ ближнему *лежитъ тождество сущности духовно-тѣлесной природы*

во всѣхъ людяхъ безъ изъятія, инстинктивно выражающееся при видѣ напр. страданія другаго, которому помочь не видится никакихъ средствъ, или при видѣ внезапной опасности, какой подвергается жизнь ближняго. Что мы способны по внѣшнему проявленію страданій человѣка не только воображать въ себѣ страданія его, но и *дѣйствительно страдать* его страданіями съ полнымъ сознаніемъ, что мы *страдаемъ изъ-за страданій другаго*, и что,—далѣе,—видя опасность, угрожающую жизни ближняго, мы испытываемъ невольный порывъ спасти его отъ этой опасности съ полнымъ притомъ сознаніемъ, что, спасая другаго, мы подвергаемъ еще большей опасности собственную жизнь со всѣми ея благами,—и что, противясь этому порыву по своекорыстнымъ расчетамъ, мы испытываемъ чувство стыда предъ собою и внутренняго мученія,—это фактъ человѣческаго самонаблюденія. Чувство презрѣнія къ эгоистамъ, равнодушно отворачивающимся отъ нуждъ ближняго, которыя они, хотя и не обязаны, однако могли бы, но не хотятъ облегчить, — или жертвующимъ благами ближняго, благами цѣлыхъ обществъ своекорыстнымъ цѣлямъ; глубокое, вѣками не изглаживаемое благоговѣніе къ памяти благодѣтелей страждущаго человѣчества, безкорыстно посвящавшихъ свои силы благу другихъ людей; всеобщее убѣжденіе, что человѣкъ жестокій, неспособный сочувствовать ни радости, ни скорби ближняго, не имѣетъ человѣческаго сердца, есть звѣрь, а не человѣкъ, — всѣ эти духовныя явленія достаточно свидѣтельствуютъ, что въ духовной природѣ человѣка есть живая потребность: *блага и страданія ближняго усвоять себѣ, отождествлять съ собственными благами и страданіями,—его жизнію, его скорбями и радостями восполнять собственную жизнь, собственныя скорби и радости*, однимъ словомъ—*жить жизнію общею съ другими людьми*, или: *любить ближняго, какъ самого себя*.

Эта-то любовь не сама по себѣ, какъ безотчетное сочувствіе ближнему, не какъ слѣпая привязанность къ нему, способная сдѣлать изъ него вещь, орудіе своихъ прихотей съ попраніемъ всѣхъ

его правъ, но какъ просвѣщенное сознаніемъ права и справедливости, какъ *сознательное настроеніе къ общенію съ ближнимъ, какъ съ нравственно-равноправною личностью, и къ удовлетворенію всѣхъ духовно-тѣлесныхъ нуждъ его—и есть тотъ высшій нравственный мотивъ*, который заставляетъ умъ и волю человѣческую искать и устанавливать *формы гражданской жизни*, въ которыхъ бы благо отдѣльнаго человѣка было приведено въ гармонію съ благомъ всѣхъ другихъ; гдѣ же формы гражданской жизни оказываются недостаточными для этой цѣли, тамъ этотъ мотивъ заставляетъ нравственно болѣе развитыхъ и энергичныхъ личностей изобрѣтать тѣ разнообразныя *юридически необязательныя* ни для кого, но всѣми одобряемыя *формы общественой и частной* жизни и дѣятельности и особенно благотворительности, которыя составляютъ наилучшее, благороднѣйшее украшеніе всякаго государства.

Эта-то любовь, т. е. просвѣщенная сознаніемъ правды, составляетъ, должна была бы составлять душу всякаго христіанскаго государства и создавать формы общежитія; но такъ какъ она въ отдѣльныхъ личностяхъ обращается въ такой огонь, который тѣмъ сильнѣе горитъ, чѣмъ больше онъ питается, — то, конечно, иногда и самыя разумныя общественныя формы не удовлетворяютъ этой любви. Охватываетъ эта не мечтательная, а дѣйствительная любовь всѣхъ или большинство членовъ государства, своимъ законодательствомъ не удовлетворяющаго ея влеченіямъ, — тогда естественно совершается обновленіе и самаго законодательства. Но едва ли не гораздо чаще въ исторіи бываетъ совершенно наоборотъ. Бываетъ напр., что Господь благословляетъ народъ, всегда сравнительно мало просвѣщенный, такими носителями власти, которые понимаютъ и любятъ его благо больше, чѣмъ самъ онъ понимаетъ и любитъ свое благо, и дарятъ своихъ подданныхъ благодѣтельнѣйшими учрежденіями, въ которыхъ однако подданные долго не видятъ сравнительно лучшихъ условій своего процвѣтанія и благоденствія. Въ такихъ случаяхъ оказывается, что подъ одеждою-то суроваго права и скрывается, въ христіанскомъ государствѣ, та ра-

зумная любовь, которой не достаетъ въ массахъ подданныхъ. Во всякомъ же случаѣ мы, какъ христіане, не можемъ забывать, что никто не раждается и не можетъ родиться въ міръ *безъ наклонности больше ко злу, чѣмъ къ добру*, и что никто не достигаетъ и не можетъ достигнуть истиннаго союза со Христомъ и слѣдовательно христіанской зрѣлости на землѣ иначе, какъ пройдя подъ извѣстнымъ домашнимъ, школьнымъ или общественнымъ, болѣе или менѣе благимъ или суровымъ, *игомъ закона:* безъ этого руководителя или пѣстуна ко Христу невозможно придти къ Нему ни для кого, какъ это невозможно было и для св. апостола Павла. Потому-то мы смѣло и утверждаемъ, что христіанская церковь на землѣ не мыслима безъ *христіанскаго же*, не спеціально для духовенства только, а для всѣхъ христіанъ-гражданъ назначеннаго, именно *гражданскаго* законодательства.

Требованія *разумной любви* въ христіанскомъ государствѣ суть *идеалъ, надъ осуществленіемъ котораго призвано работать христіанское право;* если бы этотъ идеалъ когда нибудь могъ быть осуществленъ, право и любовь, какъ форма и идея, составляли бы одно прекрасное цѣлое, какъ они составляютъ одну нераздѣльную нравственную природу человѣка въ отношеніи къ другимъ людямъ и какъ они составляютъ нравственную природу самаго Божества, явившаго въ отношеніи къ роду человѣческому Свою правду въ самопожертвованіи любви и любовь въ исполненіи всякой правды.

А отсюда и второе требованіе нравственнаго закона могло бы быть выражено напр. въ такой формулѣ: „соединяйте вмѣстѣ ваши силы и раздѣляйте между собою труды и радости всесторонняго духовнаго развитія чрезъ обладаніе и пользованіе природою въ такихъ формахъ общежитія, которыя соотвѣтствуютъ какъ тождеству сущности вашей духовно-тѣлесной природы, такъ и индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ васъ; короче: любите другъ друга и въ вашей любви прежде всего воздавайте каждому должное“.

Просвѣщенное общество едва ли нуждается въ доказательствахъ того, что и по ученію Священнаго Писанія наша любовь къ ближнему должна быть управляема правдою, корениться не въ слѣпой симпатіи, которая иногда быстро превращается въ антипатію, а въ разумномъ христіанскомъ убѣжденіи, что весь родъ человѣческій произошелъ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ, отъ *одной крови*, и однакоже раздѣленъ по различнымъ предѣламъ земли для обитанія; что мы всѣ какъ по тѣлу составляемъ одинъ организмъ, разросшійся изъ одной земной персти, такъ и по духу — *одну сотворенную сущность*, какъ бы, по выраженію одного великаго отца Церкви, *изъ одного первоначальнаго сѣмени*, т. е. дуновенія Божія въ перстный составъ Адама, *удѣляемую многимъ*, однакоже эта сущность доходитъ до своего самосознанія только въ индивидуумѣ, и нравственно окачествованная сообразно съ ей только свойственными особенностями становится отдѣльною, во вѣки неразрушимою и несливаемою ни съ какою другою, *личною силою, личнымъ духомъ*. Вотъ гдѣ основа истинной любви и правды! Ева отъ ребра Адама; сущность въ обоихъ одна, но индивидуальныя особенности различны; согласно съ этимъ и ихъ общественный союзъ есть союзъ нравственно-равныхъ, но съ различными обязанностями; оба они вмѣстѣ получили право владѣть и пользоваться землею, но одна въ качествѣ помощницы, а другой въ качествѣ главнаго дѣятеля и руководителя. Всѣ мы, и въ христіанствѣ, составляемъ одно тѣло и имѣемъ одну Главу, но каждый изъ насъ составляетъ особый органъ этого тѣла; всѣ имѣемъ таланты и дары одного Духа, но каждый сообразно съ его нравственными особенностями и положеніемъ въ обществѣ имѣетъ свой даръ, свой талантъ; поэтому какое бы кто изъ насъ не занималъ мѣсто въ христіанскомъ обществѣ, всѣ мы, стремясь къ общему благу, при сознаніи равенства въ нравственномъ отношеніи, призваны воздавать каждому должное, и повиноваться всякой законной власти не по страху гражданскихъ каръ, а по совѣсти—по требованію нравственнаго закона.

Намъ остается указать на то, что какъ исполненіемъ перваго

требованія нравственнаго закона въ насъ созидаются нравственныя блага или добродѣтели, которыя потомъ и выражаются въ жизни, и которыя, чтобы не назвать ихъ по примѣру англійскихъ моралистовъ эгоистическими, гораздо точнѣе, кажется, можно назвать *аскетическими*, — такъ и исполненіемъ втораго не только созидаются соціальныя или общежительныя внутреннія и внѣшнія блага, но и тѣмъ аскетическимъ дается высшее побужденіе и новая сила и достоинство.

Знаніе законовъ природы и эстетическое развитіе обогащаются знаніемъ законовъ духа человѣческаго въ его исторіи и настоящихъ судьбахъ человѣчества (классицизмъ и реализмъ); труду и мужеству указываются высшія цѣли и мотивы въ общемъ благѣ ближнихъ, отечества, даже всего человѣчества; воздержаніе получаетъ новый видъ—цѣломудрія въ отношеніи къ ближнимъ другаго пола; самоуваженіе усиливается чувствомъ чести въ глазахъ другихъ людей и распространяется на уваженіе къ нравственному значенію и чести ближняго. Любовь же и правда ко всему этому вносятъ во взаимныя отношенія людей между собою съ одной стороны: искренность, правдивость, безпристрастіе, съ другой: благожелательность, которая, смотря по положенію ближняго и по его отношенію въ кругу другихъ людей, получаетъ характеръ состраданія и сорадованія, благотворительности и благодарности, дружелюбія или привязанности, преданности и великодушія.

Внѣшнимъ же выраженіемъ этого неувядаемаго вѣнка духовныхъ расположеній, коль скоро они обратились въ болѣе или менѣе постоянныя качества—добродѣтели человѣка, служатъ тѣ многообразныя общества или союзы людей между собою, въ которыхъ группируются между собою члены одного и того же рода, племени, или члены одной и той же націи, или даже и цѣлыя націи между собою, и которыя, смотря потому, что въ нихъ преобладаетъ, что выдвигается на первый планъ: правда или любовь, носятъ на себѣ характеръ преимущественно или внѣшней законности, или сердечной интимности: представителемъ послѣдняго рода сою-

зовъ служитъ супружескій союзъ,—этотъ образъ союза Христа съ Церковію, а вмѣстѣ и первый источникъ всѣхъ, преимущественно же общежительныхъ добродѣтелей; представителемъ перваго рода союзовъ—союзъ государственный; средину между ними занимаютъ тѣ многообразныя общества, которыя имѣютъ цѣлію или преимущественно духовное развитіе человѣка, къ которымъ относится и наше Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія, или преимущественно матеріальное благосостояніе. Но во всѣхъ ихъ при преобладаніи одного изъ общежительныхъ элементовъ отнюдь не мыслимо полное отсутствіе другаго, какъ при сердцѣ не мыслимо полное отсутствіе ума и какъ при тождествѣ сущности духовной природы всѣхъ людей немыслимо отсутствіе индивидуальныхъ особенностей въ каждомъ изъ нихъ. Относительное достоинство каждаго изъ этихъ союзовъ опредѣляется такимъ образомъ относительнымъ развитіемъ и выраженіемъ въ нихъ либо правды, т. е. взаимнаго уваженія въ нихъ правъ каждой личности, либо любви, т. е. общенія между членами этихъ союзовъ тѣми личными особенностями и преимуществами, которыми они, не нарушая личныхъ правъ, взаимно восполняютъ другъ друга.

Итакъ быть нравственнымъ (въ смыслѣ—*нравственно-добрымъ*) значитъ—съ формальной стороны—быть сознательною силою самоопредѣленія, въ себѣ самой носящею законъ своей дѣятельности и сознаніе ея согласія съ этимъ закономъ; съ реальной: быть разумною властію по отношенію ко всему безличному или матеріальному, и любовію и справедливостію по отношенію ко всѣмъ другимъ личностямъ, и обладать соотвѣтственными внутренними и внѣшними, аскетическими и общежительными, нравственными благами; съ той же и другой стороны вмѣстѣ значитъ: *уже здѣсь на землѣ начать жить истинно-духовною или вѣчною жизнію.*

Прот. Іоаннъ Янышевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки